

16+

ОПЕРАЦИЯ "ОЛЬГА"

БОРИС КАЛАШНИКОВ

Борис Калашников
Операция «Ольга»

«Автор»

2022

Калашников Б. А.

Операция «Ольга» / Б. А. Калашников — «Автор», 2022

"Операция "Ольга" - продолжение романа «Чёрный остров» ("Эпидемия до востребования" в первом издании). Книга предупреждает об опасности биологического оружия, от смертоносных атак которого не застрахованы и сами создатели. Пытаясь захватить власть в США, а затем во всём мире американские политические авантюристы сенатор Ферри и адмирал Кондраки посылают на президента Соединённых Штатов ядовитых мух, выведенных в секретной лаборатории. Покушение терпит провал, но насекомые-убийцы, размножаясь чудовищными темпами, заполняют страну. Их армады, захватив значительную часть территории, надвигаются на густонаселенные районы. Жертвы исчисляются сотнями тысяч. Угроза нависает над всем миром. В самый критический момент на помощь приходит Россия.

© Калашников Б. А., 2022

© Автор, 2022

Борис Калашников

Операция "Ольга"

Краткое содержание романа «Чёрный остров»

Политические авантюристы сенатор Ферри и командующий Восточноазиатской военной группировкой США адмирал Кондраки попытались установить контроль над Америкой, а затем и над всем миром с помощью биологического оружия – мух, укусы которых смертельны для человека. Эксперименты над насекомыми-убийцами проводились в секретной лаборатории, устроенной на затерянном в Тихом океане острове Ликпо.

Российская военная разведка, получив информацию об опасных опытах, через независимую французскую журналистку Ани Ламберт продвинула разоблачительные статьи в средства массовой информации.

Замечая следы преступлений, подчинённые адмиралу корабли сравнивали остров с поверхностью океана, а то, что от него осталось, испепелили напалмом. Избавление от улик позволило сенатору Ферри продолжить борьбу за кресло президента США, у адмирала же крушение честолюбивых планов повлекло за собой сердечный приступ.

1. После нокаута

Кондраки понял, что жив, когда увидел нависшее над ним бледное лицо доктора Чейза.

– Так, так, – хлопотал около кровати начальник медицинской службы, – очнулись, господин командующий, это хорошо. Теперь покой, покой, не волноваться, не делать лишних движений. Сейчас сестра сделает укол. Джуди, детка, подойди.

Доктор посторонился, и возникла массивная фигура чернокожей медсестры. «Детка» была на голову выше и в два раза шире сублильного Чейза. Джуди привычным движением, вежливо, но властно, повернула пациента на бок, и запах эфира защекотал ноздри. Кондраки закрыл глаза. Он не почувствовал, как игла вонзилась в плечо, только ощутил разнесшуюся по телу теплую волну. Голова стала легкой и прозрачной.

– И сколько мне еще так лежать? – с трудом пошевелил губами адмирал.

– Недельку, не меньше, – отозвался врач.

– А потом?

– А потом можно двигаться, только избегать перегрузок. Джуди будет дежурить внизу, если надо, вызовите. – Врач извлек из сумки маленький электронный пульт и положил на столик у изголовья.

Когда медики ушли, в комнате стало совсем тихо, только под потолком, навевая сон, слегка посвистывал кондиционер. Через окно на фоне синего безоблачного неба виднелась могучая крона старого мангового дерева.

Послышался лёгкий шелест. Кондраки скосил глаза и увидел скользнувшую в приоткрытую дверь серую спинку кота Бэзила. Тот мягко вспрыгнул на столик и уставился на больного своими пронзительными жёлтыми глазами. В этом взгляде не было ни сочувствия, ни снисхождения.

«Наверное, в суматохе никто не подумал о том, что нужно покормить Бэзила, и он теперь зол на меня», – вяло шевельнулась мысль в адмиральской голове.

Блеснула медаль на кошачьей шее. Любимец командующего зевнул, обнажив частокол острых зубов, прыгнул на пол и неспешной походкой вышел. Тупая боль, сидевшая в груди, как-то растворилась и ослабла. Адмиралу привиделась Ани Ламберт. Пальцы журналистки проворно бегали по клавиатуре. Оглянувшись на Кондраки, французенка презрительно усмехнулась, поправила рукой прядку упавших на глаза черных волос и продолжила печатать, внимательно глядя в монитор.

– Сволочь! – Кровь прихлынула к вискам адмирала. – Откуда она все узнала? Кто-то ей помогал, но кто?!

Узкая адмиральская рука потянулась к пульту, указательный палец нажал кнопку.

– Вам нельзя вставать, – сказала вошедшая в комнату Джуди.

– Я и не собираюсь, – недовольно отозвался Кондраки. – Пригласите, пожалуйста, шифровальщика.

– Но доктор Чейз... – заикнулась, было, медсестра.

– Кто здесь командующий – я или доктор Чейз?! – Прохрипел, наливаясь багровой краской, адмирал. – Делайте то, что вам велено! И ещё... накормите кота.

В то утро, когда доктор Чейз рекомендовал командующему крупнейшей в мире военной группировки «не делать лишних движений», на другом конце планеты в номере сосногорской гостиницы «Нарзан» проснулся боксер Константин Байков.

Пробуждение сопровождалось ощущением вялости во всем теле и чувством горького сожаления по поводу утраченной победы. Но самое плохое – мухи, поселившиеся в голове боксёра вчера после нокаута, за ночь никуда не исчезли и продолжали жужжать в висках и затылке.

Из суеверных соображений Костя не брился перед боем, и теперь из зеркала на него глянул заросший двухдневной чёрной щетиной мужчина с заплывшим правым глазом, рассечённой от удара бровью и искривлённым носом. Забинтованная правая кисть не гнулась, о бритье не могло быть и речи.

А как всё хорошо начиналось. Байков убедил зрителей в своей лёгкой победе уже в самом начале поединка. Он будто и не боксировал, а танцевал на ринге. Его соперник Дмитрий Лапшин выглядел мальчиком для битья. Всем было очевидно, что Костя мог бы разделаться с ним в первом раунде, но, желая потешить болельщиков, заполнивших трибуны, намеренно затягивал поединок.

Рисуясь перед зрителями и играя с соперником, как кошка с мышкой, Константин совершенно неожиданно пропустил контратаку. Это случилось в середине третьего раунда: Лапшин, вынырнув из-под кулаков Байкова, левой сбоку нанёс удар в переносицу. Перчатка, скользнув по брови, содрала кожу, и темно-красная струйка стала заливать правый глаз. Схватка была приостановлена. Врач обработал рану. Константин вскочил на ноги и нетерпеливо затанцевал на ринге.

Как только судья произнес «Бокс» и уронил руку, разделявшую спортсменов, обозленный досадной неудачей Байков поднял перчатки на уровень глаз и стремительно ринулся на Лапшина, но был пойман на встречном движении. От короткого жёсткого удара в голову Костя пошатнулся, непонимающим взглядом обвёл трибуны и упал как подкошенный.

Публика застыла в оцепенении: трёхкратный чемпион края, фаворит, в победе которого не сомневался никто, лежал, раскинув руки, на виниловом покрытии ринга, и судья суетился над ним, отсчитывая роковые секунды.

Пронзительные лучи прожекторов били поверженному боксеру в лицо, и свет, проникавший сквозь ресницы, распадался на радужные нити, в которых роились и жужжали мириады мух.

2 Интервью сенатора

Парикмахер, готовивший Майкла Ферри к очередному интервью, пригладил пробор, пощелкав ножничками, выровнял брови, отступил на шаг, полюбовался.

– Господин Ферри, теперь вы писанный красавец, хоть на свадьбу!

Массажистка в последний раз провела ладонями по плечам, пошлепала сенатора по щекам и выдохнула:

– Все!

Советник, провожая босса по коридору, вьюном вертелся вокруг него и нашептывал тезисы. В зале были расставлены софиты. Десятки телевизионных камер нацелили свои стволы на журнальный столик и два приставленных к нему кресла. В одном уже сидел политический обозреватель Ралф Кокс. Вопросы, которые он мог задать, были заранее подготовлены предвыборным штабом Ферри. Сенатор выучил наизусть ответы, отработал жесты, которыми следовало сопровождать высказывания.

– Вы готовы? – Спросил журналист, вставая и протягивая руку собеседнику.

– Вполне, – лаконично ответил кандидат и уселся в кресло.

– Тогда начнем. – Динозавр американской журналистики поднял правую руку, и сенатор сощурился от вспыхнувших прожекторов.

– Почему вы, сенатор от скромного штата Вермонт, решили идти на выборы?

– Американцы, проголосовав за Ларри Гровера, отдали президентское кресло злейшему врагу своей страны. – Майкл Ферри сделал паузу, чтобы публика оценила перлы его красноречия. – Никто не нанёс Америке столько вреда, сколько нынешний президент. Он не способен решать проблемы, а может только извиняться и кланяться: «Простите, мы наломали дров во Вьетнаме! Простите, мы наломали дров в Ираке! Простите, мы наломали дров в Ливии! Простите, мы наломали дров в Сирии! Простите, мы наломали дров в Афганистане!» Меня тошнит всякий раз, когда изо рта президента самой могущественной державы мира сыплются извинения. Тот, кто сидит в Белом доме, должен вести страну вперёд, а не расшаркиваться перед критиками. Америке нужен новый лидер, способный возродить присущий нации дух победителя. Я, Майкл Ферри, ни перед кем не буду снимать шляпу и извиняться. Права Америка или не права, но это моя страна!

– А как вы прокомментируете запрет властей на показ Гринхилса по телевидению?

– Это еще одно свидетельство трусости Ларри Гровера. Неспособный покончить с ядовитой мухой, оседлавшей город, он боится смотреть опасности в глаза и, как страус, прячет голову в песок. Я обещал и подтверждаю своё обещание решить проблему с летающей смертью в три дня!

– Почему бы вам не сделать это уже сегодня? – ввернул заготовленный вопрос журналист.

– Майкл Ферри, – оратор ткнул себя пальцем в грудь, – не отказывается от своих слов и быстро покончит со смертоносным насекомым, но при одном условии – он должен быть президентом.

– Не понимаю. Если вы можете одолеть муху, почему бы не сделать это как можно скорее?

– Чтобы справиться с бедствием, мне нужны полномочия, полномочия, которыми в нашей стране наделён только президент. Я верю: американцы сделают правильный выбор, проголосуют за меня, и Америка забудет Гринхилс как кошмарный сон.

– Про отношения с русскими. Со времен «холодной войны» ситуация изменилась. Советский Союз распался. Коммунистическая партия потеряла власть. Поменялась идеология. Россия, насколько я понимаю, уже не ставит перед собой целью разрушение Соединенных Штатов.

– Да ты, Ралф, оказывается, пацифист! – наигранно удивился Питон.

– Я – нет, но вот другие считают...

Кандидат в президенты жестом остановил комментатора.

– Другие – это кто? Ларри и его компания?! Враг в лице Москвы был, есть и будет! Русские патологически ненавидят Америку, а Ларри виляет перед ними хвостом, словно он не президент великой державы, а маленький трусливый щенок. Как только я переселюсь в Белый дом, никто не посмеет разговаривать с Америкой с позиции силы. Сила – единственная гарантия того, что мы не будем стоять на коленях. Я, как все истинные патриоты, убеждён: нельзя жалеть денег для укрепления этой гарантии!

Интервью стало первой новостью в интернете, прошло по всем каналам американского телевидения, его напечатали ведущие газеты страны. В средствах массовой информации в глаза

били заголовки: «Ларри поджал хвост», «Враг в лице Москвы был, есть и будет!», «Русские патологически ненавидят Америку», «Штатам нужен лидер, который не будет извиняться и кланяться!»

На стенах домов и на рекламных щитах появились плакаты, с которых действующий президент США грозил автоматом Калашникова американскому флагу. Надпись над плакатом гласила: «Ларри – злейший враг Америки».

3. Мухановский катаклизм

Роза Яковлевна Радкевич. в прошлом заведующая местным домом культуры, ныне пенсионерка включила после обеда телевизор и, пощёлкав пультом, остановилась на репортаже из американского Гринхилса.

Обезлюдившие улицы, закрытые окна, заросшие тротуары, полчища опасных мух на фасадах домов произвели на Розу Яковлевну сильное впечатление.

Оператор нацелил камеру на одно насекомое, и в увеличенном кадре отчетливо стали видны три крестика на прозрачных крылышках. «Чёрная муха», – прозвучал голос диктора за кадром, – прочно захватила город».

На экране появилась граница закрытой зоны, обозначенная на местности витками колючей проволоки, полицейскими будками у дорожных шлагбаумов, треугольными табличками с силуэтом мухи и черепом с костями. «Не входи, умрешь!» – было написано под зловещими символами.

«Чего только в мире не творится, – покачала головой Радкевич, – теперь ещё эти дурацкие мухи! Откуда они только взялись?!»

Она расстроено махнула рукой, выключила телевизор и, взглянув в окно, удивилась, как сумеречно стало на улице.

– Что такое?! Отчего так рано потемнело?! Дождь что ли собирается?! Вроде ничто не предвещало. Откуда в ясный день такой мрак?!

Роза Яковлевна вышла на крыльцо, увидела сизую тень, закрывшую солнечный диск.

– Что за чертовщина?! Затмение? Но по телевизору не предупреждали!

Ни ветра, ни грома не было, и в этой звенящей тишине, которую нарушало только беспокойное кудахтанье глупых кур на дворе у Марфы, да звяканье пустой алюминиевой чашки, которую соседский пес Каштан гонял возле конуры, послышалось быстро нарастающее монотонное жужжание.

– Что за чертовщина?! – повторила Радкевич.

Густая тёмная туча заняла всё небо без остатка. Теперь только тусклое, расплывчатое свечение в том месте, где должно было сиять солнце, позволяло различать тёмные домики сельчан и электрические столбы вдоль улицы Льва Толстого. Жужжание усилилось и переросло в гул, будто вылетевший из гигантского улья громадный рой пчёл накрыл село.

Из малинника выскочил перепуганный кот, подкатился женщине под ноги так, что она, споткнувшись об него, едва не упала.

– Роман, тут чёрт знает, что творится, а ты под ногами путаешься! – раздраженно закричала хозяйка, но, тем не менее, приоткрыла дверь, и её баловень, благодарно мяукнув, прошмыгнул в дом. За ним в нагретую солнцем веранду влетело целое облако мух.

– А вас никто не звал, проклятые, Мухановка вам не Гринхилс! – В сердцах воскликнула Роза Яковлевна и захлопнула дверь.

Нашествию мух предшествовала аномальная жара, установившаяся в октябре в европейской части России к югу от Москвы. По-летнему жарко было в Воронеже, Ростове и Краснодаре. В сизом мареве колебался горячий воздух над бескрайними поволжскими и ставропольскими степями. В Калужской, Орловской, Липецкой и Тульской областях зацвели обманутые аномальным теплом вишни, а в Мухановке случилось исключительно редкое природное явление, названное впоследствии «мухановским катаклизмом». Оно привлекло внимание прессы,

всполошило руководство страны, дало почву для активизации толкователей чёрной магии и разного рода экстрасенсов. Но всё это было потом, а в этот душный октябрьский день тучи насекомых кружились над шиферными крышами домов и дощатыми сараями, заполняли огороды, и как справиться с этой свалившейся с неба бедой, в Мухановке не знал никто.

Засветилось окно в квартире хозяйки ларька «Клондайк» Элеоноры Тяпкиной, затем у главной сельской самогонщицы – бабки Марфы. К соседнему двору подкатил на своем фургоне Санька Чижик и, накрыв голову руками, согнувшись, пробежал к крыльцу.

Насекомые облепили лицо Розы Яковлевны, лезли в рот и в нос. В одно мгновение от насевших мух стали чёрными дверь и окна веранды. Ноги, словно сами собой развернулись и потащили женщину в помещение. Отмахиваясь от нахальных насекомых, она набрала номер телефона главы администрации Лаптевского района.

– Не знаем, куда бежать, Василий Петрович, вы, как начальство, подскажите, что делать.

– Никуда бежать не надо, – ответил на это Захарин. – Подъеду. А ты, Роза Яковлевна, как деятель культуры, успокой народ.

– Я бы им спела про «хризантемы в саду» по телефону, но мухи не дадут – в рот лезут проклятые!

– Петь романсы, может, и не стоит. Подскажи, чтобы оклеивали бумагой окна, затыкали дымоходы.

– Это как мертвому припарки, Василий Петрович. В моей квартире их уже тьма. У других, я думаю, не меньше. Через все щели прут, как на ненормальные!

Служба радиоразведки быстро исполнила задание командующего группировкой. Как свидетельствовала выведенная на экран адмиральского компьютера интернет-переписка журналистки Ани Ламберт, на неё работали около трёх десятков корреспондентов в разных странах. Ламберт неплохо зарабатывала и часть средств тратила на содержание сети помощников, снабжавших её информацией. Связи свои Ани не афишировала, но и особо не скрывала.

Переписка не представляла интереса для командующего, пока глаза его не наткнулись на сообщение некоего Жана Люка. В коротком письме говорилось о прямой причастности Стивена Кондраки к гибели подводной лодки «Эльзас». «Адмирал убил французских моряков, – писал Жан Люк, – чтобы не допустить утечки сведений об опытах по созданию нового вида биологического оружия в тайной лаборатории на острове Ликпо».

«Так вот откуда ноги растут! – Лицо командующего исказила гримаса ненависти. – Изпод земли достану и растопчу!»

Через какие-то полчаса адмирал уже знал, что человек, открывший французской журналистке тайну острова Ликпо, направил свое послание из интернет-кафе на бульваре Сен-Жермэн в Париже.

4. Как помочь людям?!

– Катастрофа, Владислав Максимович! – доложил Захарин губернатору Люмкину, вернувшись из Мухановки в райцентр. – Мухи заполонили село! Людям дышать нечем! Надо что-то делать!

– Так делай! – огрызнулась трубка. – Что ты со всякой ерундой ко мне суешься?! Мухи – это не масштаб губернатора! Я – губернатор, а не нянька. У меня свой тренд, а у тебя должен быть свой драйв! Решай!

– Так что же я могу, Владислав Максимович?! – взмолился Захарин. – У района ни денег, ни... – Перечислять дальше, чего не было у района, стало бессмысленно – Люмкин бросил трубку.

«Что делать?! Что делать?! – Стучало в голове Захарина. – Как помочь людям?! Позвонить что ли полковнику Иванникову? Он, когда заезжал ко мне, обещал своё содействие району в случае надобности.

На столе у командира воздушно-десантной дивизии Иванникова лежало указание Генштаба незамедлительно информировать вышестоящее командование при обнаружении признаков активности ядовитой мухи в зоне базирования подразделения, в том числе, о фактах неожиданных беспричинных смертей среди личного состава и гражданского населения, Описывались отличительные признаки зловредного насекомого, прилагался соответствующий рисунок.

– Что они шлют всякую фигню?! Делать нам больше нечего, только за мухами гоняться. Где этот Гринхилс, и где мы? Чтобы эту сволочь сюда заслать, нужна, как минимум, баллистическая ракета! Какому идиоту придёт в голову идея, начинать боеголовку мухами?! – Возмутился полковник.

В этом возбуждённом состоянии и застал командира дивизии звонок Захарина, который сбивчиво изложил суть того, что происходит в Мухановке.

– Мухи!? – настроение полковника сразу переменялось. – Ядовитые?! – Сколько смертей?!

– Слава богу, нет никаких смертей, товарищ полковник, самые простые, обыкновенные мухи, но армада целая... надо что-то делать!

– Обыкновенные, – разочарованно протянул десантник, – вы ничего не путаете, крестов на крылышках нет?!

– Крестов нет... мы про Гринхилс слышали... у нас другое. Вы бы району дымовых шашечек подкинули, чтобы людей защитить.

– Дымовые шашки для этого не предназначены. От них, как оружия против мух, толку, что от козла молока. Вы к губернатору обращались?

– Значит, так, – сказал полковник, когда глава районной администрации посвятил его в детали разговора с Люмкиным, – мой вам совет, обратитесь в прессу.

– В областную? – скептически хмыкнул Захарин.

– Зачем в областную?! Она под губернатором. Звоните в Москву, приглашайте центральное телевидение. Это их хлеб.

– Не хотелось бы действовать через голову губернатора. Попробую ещё раз с ним связаться.

– Попробовать то можно, – согласился Иванников, – но мне кажется, что это дохлый номер.

5. Конгрессмен Бейкер

Полковник французского Генерального штаба Николя Бризар считал делом чести и долгом отомстить за гибель подводной лодки «Эльзас» и журналистки Ани Ламберт.

«Этих мерзавцев, затеявших страшный эксперимент на острове Ликпо, я просто обязан вывести на чистую воду! Но сделать это из Франции невозможно. Надо искать союзников в Штатах». – Решил полковник.

В те дни в Париже находилась делегация Конгресса США. Ознакомившись с материалами о прибывших во Францию американских политиках, полковник остановил свой выбор на конгрессмене Роберте Бейкере.

В молодости Бейкер был военным пилотом. Лётную карьеру закончил после того, как его «Фантом» был сбит в небе над Вьетнамом. Почти два года Бейкер провёл во вьетнамской тюрьме, прозванной журналистами «Ханой Хилтон», но не ожесточился, не накопил в себе ненависти к бывшим противникам и после войны регулярно посещал Вьетнам. При обсуждении в парламенте острых вопросов обычно занимал взвешенную и самостоятельную позицию.

Бризар позвонил конгрессмену в отель и предложил встретиться в саду Тюильри, тот согласился. Они долго бродили по широкой, усыпанной жёлтыми листьями аллее, и когда Бризар окончил рассказ, Бейкер спросил:

– Вы думаете, что появление ядовитой мухи в Гринхилсе связано с деятельностью Кондраки на Ликпо?

– Полагаю, что связь есть.

Конгрессмен задумался.

– Получается, что журналистка, назвавшая «Страйкер» виновником гибели подводной лодки «Эльзас», права?

– Конечно! – воскликнул Бризар. – Тут не может быть сомнений! Ани Ламберт никогда не хваталась за сомнительную информацию. Я дал ей сигнал, она проверила через свои источники, дополнила. Кстати, копии русских материалов, в которых вся картина происшедшего с «Эльзасом», при мне, могу их вам передать.

– Нет, не надо... русские документы не возьму, – поспешно отказался конгрессмен.

– Вы боитесь за свою карьеру? – Лицо полковника покрылось краской. – «Не на того поставил!» – мелькнуло в голове.

– Нет, – возразил американец. – Дело не в трусости. Я должен был погибнуть, когда навёдённая русским капитаном ракета сбила мой «Фантом» над вьетнамским городом Винь. Спасся благодаря случайности. С тех пор к смерти отношусь философски и меньше всего трясусь за карьеру.

– Так в чём же дело? Вы не доверяете мне или не хотите видеть правду?

– То, что вы сказали, похоже на истину, я вам доверяю, но выступление перед американским Конгрессом с русскими материалами даст противоположный эффект.

– Тогда можно считать наш разговор бесполезным.

– Почему же?! Завтра я встречаюсь с начальником вашего Генерального штаба и постараюсь получить от него нужные аргументы.

Бризар отрицательно покачал головой.

– Генерал Лонгард не станет озвучивать русскую версию, а ссылка на меня будет означать обвинения в разглашении государственной тайны, трибунал и тюремный срок.

– Не волнуйтесь, я не первый год в политике и кое-какого опыта поднабрался. Достаточно будет самого факта встречи с Лонгардом, а поставить перед ним нужные вопросы я могу, не касаясь русских материалов и не раскрывая вашей причастности к ним.

6. Бекки даёт визитку Кисиди

Прикрыв подбитый глаз тёмными очками, Костя вышел из гостиницы в надежде, что прогулка поможет ему избавиться от назойливого жужжания в голове. На площади вокруг фонтана неспешно прогуливался курортный люд. Вертелась яркая карусель.

В толпе выделялась высокая женщина с голубыми, под куклу Мальвину, волосами, сигаретой во рту и картонным щитом на шее. Со щита строго смотрел на праздную публику лысый бородатый мужчина. Объявление под портретом бородача гласило: «Доктор Христофор Кисиди. Вывожу из запоев, избавляю от вредных привычек и устраняю нервные расстройства методом гипноза и внушения».

На широком плече «Мальвины» сидела, постреливая глазами по сторонам и нервно подергивая хвостом, маленькая обезьянка в жёлтом брючном костюме. Когда лёгкий ветерок склонял к её носу облачко табачного дыма, обезьянка брезгливо кривилась и, стремясь отогнать губительные пары никотина, махала перед мордочкой зажатой в маленькой чёрной лапке китайским розовым веером.

Заметив Костю, хвостатая ненавистница курения сунула веер под мышку, сделала пригласительный жест и, как только боксёр приблизился, тут же оказалась на его плече. Коротким хищным движением обезьяна сорвала с Константина очки, напялила их себе на морду и, перепрыгнув к хозяйке, что-то возбужденно залопотала. При этом на манер цыганок, требующих «позолотить ручку», воровка тянула к Байкову открытую ладошку.

«Мальвина» вынула изо рта сигарету и хриплым прокуренным голосом сказала:

- Дай Бекки сто рублей.
- За что сто рублей?! – возмутился Константин.
- За очки. Дай сто рублей, и она тебе их вернет.

Кровь вскипела в голове боксера. Он быстро шагнул вперед, намереваясь забрать своё или открутить наглой твари голову.

В толпе опознали Костю. Послышались восклицания: «Да, это же Байков! Точно, Байков!», «Не может быть!», «А я говорю: Байков! Нос кривой, фингал на лбу, глаз заплыл!», «Досталось бедняге, сейчас он на обезьянке отыграется!»

Эти возгласы спасли разбойнице жизнь. Константин остановился, махнул рукой и, порывшись в кармане, протянул Бекки сторублевую бумажку, которую та схватила и привычно сунула в нагрудный карман. Цепкая обезьянья лапка вернула Косте очки и вручила визитную карточку с портретом бородатого доктора. На обратной стороне визитки было написано: «Принимаю с понедельника по пятницу с 10:30 до 16:30. Курортная поликлиника, третий этаж, кабинет 33».

В тот же день, когда Константин Байков получил от обезьянки визитку доктора Кисиди, а полковник Бризар встретился в Париже с американским сенатором Бейкером, из Нью-Йорка во французскую столицу вылетел по заданию Кондраки похожий на жука человек в сером плаще. В кармане профессионального убийцы находился паспорт на имя первого секретаря посольства США во Франции Вилли Парсона и удостоверение сотрудника французского частного сыскающего агентства «Нарцисс».

7. Обстоятельства непреодолимой силы

Между тем, до дня голосования в Соединенных Штатах оставалось всего несколько дней. По опросам рейтинговых агентств сенатор, Майкл Ферри с незначительным отрывом опережал действующего президента Ларри Гровера.

Оба претендента на президентское кресло стремились как можно больше находиться на публике и не сходили с телевизионных экранов. Новостной блок ведущих информационных каналов во всех странах открывался новостями из США. Казалось, что фокус внимания всего цивилизованного человечества сконцентрировался в эти дни в одной точке. Однако ни рейтинг кандидатов, ни их политические платформы, как, собственно, и вся Америка, с её выборами, совсем не волновали академика Назара Ефимовича Ганюшкина, все помыслы которого были сосредоточены на том, чтобы поскорее завершить научный труд «Жизнь мышей». Над этим опусом ведущий мировой специалист по мелким грызунам работал в очень необычном месте – гостевой каюте российского парусного фрегата «Исток».

Учебное судно шло из Владивостока в Мумбай. Командовал переходом бывший военный моряк, капитан первого ранга в отставке Иван Васильевич Фролов – давний знакомый академика, который и пригласил Назара Ефимовича совершить путешествие в далёкую и жаркую Индию на паруснике. В Мумбайском университете российский академик должен был прочитать цикл лекций на исключительно актуальную для Индии тему: «Мышь в большом городе».

Оторвавшись от московской суеты, Назар Ефимович жил настоящей творческой жизнью и упорно работал над рукописью. Когда уставал, выходил на палубу, вдыхал живительный морской воздух, любовался бескрайними океанскими просторами и вновь усаживался за работу.

Но не бывает беспредельного счастья! В капитанскую рубку с озабоченным видом зашёл старший механик, переговорил с Фроловым, и дежурный курсант, разыскав академика, сообщил, что капитан просит его зайти, как можно скорее.

– Такие вот дела, Назар Ефимович, – сказал Фролов, поднимаясь навстречу другу, – обнаружили неполадки в двигателе, придётся сделать вынужденную остановку.

– Сколько это займёт времени? – Забеспокоился учёный.

– Механик считает, суток несколько.

Будучи человеком пунктуальным, Ганюшкин не любил опаздывать, а теперь получалось, что из-за какого-то мотора, нарушаются его обязательства перед индийскими коллегами.

Ветер раздувал паруса. Море вздымалось изумрудными валами, океанская ширь, насколько хватало глаз, переливалась под яркими солнечными лучами. Корабль быстро шёл вперед, рассекая острым носом волны и оставляя за собой широкую пенистую полосу, но всё это великолепие уже не радовало учёного.

– Да, подкинул мне этот ваш мотор проблему! – Академик недовольно потёр подбородок.

– Не волнуйся, Назар Ефимович, будешь в Мумбае непременно, но чуть позже, – попытался успокоить его капитан. – Три дня туда, три дня сюда – какая разница?!

Капитан склонился над картой, расстеленной на столе. – Мы здесь, – он ткнул пальцем в тёмно-синее пространство, – а чуть восточнее – остров Таби-Таби. Причалим. Механик займётся движком. Дадим радиограмму твоим индусам, так, мол, и так, обстоятельства непреодолимой силы, задерживаемся. Извинишься, и я не вижу больших проблем.

8. Интернет-кафе на бульваре Сен-Жермен

Поздней ночью в интернет-кафе на бульваре Сен-Жермен вошёл коренастый человек в сером плаще и клетчатой шляпе. Обшарив глазами зал и убедившись, что он пуст, вошедший защёлкнул за собой замок изнутри.

– Зачем вы это делаете?! – испуганно закричала темнокожая кассирша.

Человек сощурился и приложил палец к губам.

– Стихни и не дёргайся! – Перед носом кассирши возникло удостоверение сотрудника частного сыскного агентства «Нарцисс». – Вспомни-ка лучше одного клиента, красотка!

Обладатель удостоверения говорил на французском с сильным американским акцентом. Он назвал дату и время, когда полковник Бризар, прикинувшись парижским бездомным, направлял из кафе послание в адрес Ани Ламберт.

– Я не могу отвечать на ваши вопросы, не поставив в известность шефа. – Кассирша потянулась за телефонной трубкой, но железная рука ухватила её за волосы, в горло упёрлось острие ножа.

– Делай, что тебе говорят, сука! – В стальных глазах ночного посетителя вспыхнул злой огонек.

«Этот ни перед чем не остановится!» – Поняла женщина.

Клиент, из-за которого сотрудник частного агентства угрожал ножом, остался в памяти кассирши, удивив тем, что, расплатившись мелочью, не взял сдачу.

Женщина рассказала всё, что запомнила, но ночной посетитель остался недоволен.

– И это всё?!

– Да, месье... Он был-то, всего, минут десять-пятнадцать... я смотрела телевизор...

Сыщик перебил её:

– Говоришь, хромает на правую ногу?!

– Да, месье, кажется, на правую.

– Кажется или точно?!

– Да, да, точно на правую.

– Цвет волос?!

– Я не знаю, – залепетала кассирша. – Он не снимал шляпу.

Острие ножа больно впилося в кожу, из глаз женщины брызнули слёзы и покатались по щекам. – Я говорю правду... ей-богу, правду... я не знаю. пощадите... у меня четверо детей!

– Ничего не знаешь, дура! – Мужчина дёрнул кассиршу за волосы так, будто хотел вырвать клочок вместе с корнями. – Смотри, сука, – лезвие ножа блеснуло перед глазами кассирши, – если скажешь кому-нибудь, о чем я тебя спрашивал, всех твоих выродков утоплю как котят!

– Нет... нет... я никому не скажу... ей-богу... клянусь! – Женщина заплакала.

9. Остров обезьян

Приблизившись к Таби-Таби, «Исток» замедлил ход. В лучах утреннего солнца, был отчётливо виден белый пустынный пляж с кокосовыми пальмами, поросшие кустарником крутые склоны холмов, утопающие в зелени бамбуковые хижины. Фрегат, осторожно миновав стиснутую скалами горловину, вошёл в просторную, окружённую зелеными холмами бухту, описал широкую дугу и, сбросив со всех трёх мачт паруса, стал медленно приближаться к длинному деревянному причалу.

На портовой площади образовалась толпа смуглых, полуголых и очень радостных людей. Фролов приказал выбрасывать трап. Курсанты засуетились. Заскрипела лебедка. Свободные от вахты сгрудились у борта. Одни фотографировали, другие с любопытством рассматривали столпившихся на пристани туземных обитателей, третьи приветственно махали бескозырками, вызывая этим восторженную реакцию полуголой публики.

Вдруг из-за бамбуковых лавчонок, теснившихся вокруг площади, послышался грозный, быстро нарастающий рокот. Толпа отхлынула от трапа, и на площадь, рыча и фыркая, выехало средство передвижения, напомнившее Ганюшкину бетонное изваяние зубастого крокодила, виденное академиком в парке города Сосногорска. Сходство с хищником придавал чудищу выдвинутый далеко вперёд стальной бампер и изображённая на капоте разинутая пасть с большими острыми зубами. Ни дверей, ни стёкол средство не имело, двигалось медленно, оставляя за собой пыльный шлейф и клубы чёрной копоти. Справа от водителя, который был в танкистском шлеме и чёрных очках, восседал человек в белой фуражке с красным околышем. Сопрождали механического крокодила шесть обнажённых по пояс воинов.

– Ты посмотри, у каждого на боку по пистолету, а ствол такого калибра – хоть картошкой стреляй, – изумился Ганюшкин.

– Это не пистолет, а сигнальная ракетница, её за оружие считать нельзя, – отозвался Фролов. – Полагаю, этот лимузин прибыл за нами. – И, обернувшись к боцману, приказал: – Упакуй буханку чёрного, бутылочку «Морского волка», баночку селёдки и наш вымпел!

– Будет сделано, – отозвался боцман и побежал исполнять указание.

Описав полукруг, «крокодил» притормозил у трапа, захрипел, затрясся и затих. Из кабины вылез туземец в красном кителе, с золотым аксельбантом на груди и красными лампасами на белых шортах. Сочетания красно-белых цветов пришлись по вкусу Назару Ефимовичу, с юности болевшему за «Спартак».

«Вылитый Никита Симонян, только загорел сильнее», – подумал академик.

На погонах военного сияли бриллиантами большие генеральские звезды. Правой рукой он придерживал сабельные ножны.

– Так, Назар Ефимович, нам оказана большая честь – церемонию встречи возглавляет генерал. Спускаемся. – Капитан поправил фуражку, одёрнул белую форменную сорочку и решительно двинулся по трапу вниз. За ним последовал Ганюшкин.

Человек в спартаковской форме, ткнув себя пальцем в грудь, гордо представился:

– Дженерал Агубар! – после чего, обернувшись к воинам, громко крикнул, взмахнул клинком, и те, подняв вверх копыя и покачивая ими, запели.

Бойкую, не лишённую приятности мелодию подхватили люди на площади и, подпевая, стали пританцовывать. Генерал размахивал клинком, будто дирижёрской палочкой.

– Видимо, национальный гимн, – прокомментировал Назар Ефимович и, чтобы подчеркнуть уважение к патриотическим чувствам местного населения, попытался придать своей сугубо штатской фигуре какое-то подобие военной стойки. Иван Васильевич взял под козырёк. Курсанты, выстроившись в две шеренги вдоль борта, замерли, вытянув руки по швам. Горячий ветер шевелил ленточки на бескозырках.

Торжественностью момента прониклись, однако, далеко не все. Густые ветви громадных развесистых деревьев, окружавших площадь, вдруг зашатались, словно от внезапно нале-

тевшего вихря, и на них показались сотни коричневых обезьян, каждая размером с хорошую собаку. Оказавшись на земле, они оскалили большие зубы и зловеще пританцовывая, стали двигаться в сторону парусника.

Про церемонии встреч с участием обезьян академик Ганюшкин ничего ранее не слышал. «Раздерут на клочья, прямо на трапе, не успею до борта добежать!» – подумал он, бледнея.

Но его опасения оказались напрасными. Туземный караул обладал достаточным боевым потенциалом. Один из воинов выхватил из кобуры ракетницу и выпалил в крону дальнего дерева. Красный шар рассыпался огненными брызгами. Польшнула жёлтым пламенем соломенная крыша над лавкой, увешанной гроздьями бананов.

Обезьяны, прыгая как зайцы, пустились в бегство и успокоились, только взлетев на деревья, откуда стали скалить зубы, гримасничать и браниться. Загоревшуюся крышу туземцы быстро затушили, поливая водой из узких бамбуковых ведер.

Агубар спрятал саблю в ножны, взял под козырек и жестом левой руки пригласил гостей усаживаться. Ганюшкин, приблизившись к автомобилю, стал, пытаясь, втискиваться внутрь.

– Интересно, куда они собираются нас везти в этом цинковом катафалке? – Поправив на поясе темный футляр радиостанции, капитан стал пристраиваться на сиденье рядом с учёным.

– Я полагаю, на аудиенцию к главе островной администрации.

Заскрежетав коробкой передач, механический крокодил тронулся, оставив на причале двух воинов, которые, обнажив ракетницы, наставили огнестрельное в полном смысле этого слова оружие в сторону обезьяньих позиций. Там, в густых кронах деревьев, такая откровенная угроза вызвала беспокойную возню, недовольный гвалт и перегруппировку сил на отступление.

10. Байков у Кисиди

Курортная поликлиника занимала добротное старинное здание с толстыми стенами, высокими потолками и большими окнами. Поднявшись по широкой мраморной лестнице на третий этаж, Константин Байков остановился у двери с табличкой «Психотерапевт Кисиди Христофор Константинович» и огляделся: коридор был почти пуст, только несколько человек сидели на стульях, расставленных вдоль стен.

– К Кисиди есть кто-нибудь? – спросил Костя.

– Там посетительница, – ответила, отняв ладонь от распухшей щеки, пожилая женщина, ожидавшая приема к дантисту.

В этот момент дверь распахнулась, из кабинета психотерапевта вышла блондинка в красном шёлковом пиджаке и джинсах, плотно облежавших бедра. Девушка была явно чем-то расстроена. Следом, поправляя густую чёрную бороду, показался лысый мужчина в белом халате с надорванным по шву карманом.

– Ты молодая симпатичная девка, – не обращая внимания на присутствующих, напутствовал бородач пациентку. – Перестань хандрить! Найди себе нашего, понимаешь, на-ше-го, – произнёс он по слогам, – мужика: русского, армянина, татарина, грека, еврея – неважно, и через два дня у тебя всё будет нормально. А принца своего из Сомали забудь.

– Он не из Сомали, – возразила девушка, – и меня не отпускает.

– Не важно, откуда, забудь, и всё будет хорошо.

– У вас карман оторван. – Палец расстроенной пациентки указал на полу халата доктора.

– Профессия такая моя опасная, – несколько не смутившись, пояснил врач и попытался ладонью приладить на место оторванную ткань. – Предыдущий посетитель, которому я посоветовал бросить пить, оказался буйным.

Каблучки застучали по мраморным ступеням. Проводив пациентку взглядом, Кисиди с треском оторвал карман и, рассеянно комкая тряпку, посмотрел на Костю.

– Вы ко мне?

Под жизнерадостный ритм танца сиртаки, который выстукивали пальцы доктора на столешнице, Константин Байков сел на стул.

– Ну-с, с чем пожаловали?

Константин коротко рассказал о проигранном поединке, пожаловался на мух, зудевших в голове.

– Мухи, мухи, – задумчиво произнес доктор, надевая очки. – Ну что вам посоветовать? Изучайте ваших обидчиков. Чем больше о мухах будете знать, тем меньше они смогут вам досаждать... так, так, поднимите голову. А что у нас с глазом? – Кисиди осторожно раздвинул пальцами веки на правом глазу Байкова и недовольно констатировал: – Кровоизлияние... хм... лопнул сосудик... Сколько вам лет?

– Двадцать девять.

– Так, из комсомольского возраста, как я понимаю, вы уже вышли, и зачем же вам, мужчине под тридцать, такие приключения?

– Бокс, что поделаешь, – пожал плечами Костя.

– Хм. – Христофор Константинович обеими руками приподнял бороду вверх. – Прожить можно и без бокса. Не всю же жизнь мутузить других и получать самому по мозгам. На земле есть и другие, я бы сказал, более приятные занятия.

Маленький бородач попросил Константина пройти за ширму, лечь на кушетку, расслабиться. Сам присел на табурет, взял пациента за запястье и, пристально глядя ему в глаза, заговорил:

– Ты здоровый красивый парень. Всё в твоих руках. Плюнь на этот бокс. Выбери себе бабу, женись, пусть она нарожает тебе детей. Всё будет хорошо.

Повторив заклинание несколько раз, Христофор Константинович, отпустив руку пациента, поднялся, погладил пальцами его виски, слегка надавил на лоб и так постоял некоторое время. Жужжание в голове боксёра, сместившись в затылочную часть, стало стихать.

Врач тем временем отошёл к раковине, вымыл руки, глядя в зеркало, распушил бороду и довольный сел за стол выписывать счёт за консультацию и сеанс гипнотерапии.

«Конечно, жениться, именно жениться! Почему же я раньше этого не сделал? Надо жениться, непременно жениться, и как можно скорее! – сквозь пелену, наваянную гипнозом, стало пульсировать в Костиных висках. – Но на ком жениться?!»

Словно в ответ на этот вопрос перед глазами боксёра закурилось голубое облако, в центре которого нарисовался размытый женский силуэт. Постепенно приближаясь, он становился все чётче и чётче. Девушка в длинном синем платье кружилась в туманном ореоле. Костя различил её грустное лицо, русые слегка волнистые волосы. Байков вдруг узнал её. Это та же девушка, которая вышла от врача. Она самая, только в другой одежде, и волосы не крашены.

«Она очень красивая, – подумал Костя, – и откуда у неё такое необычное платье?»

Тут танцовщица закружилась быстрее, облако вокруг неё сгустилось, потемнело, и видение исчезло.

Байков застонал и открыл глаза.

– А что это за девушка вышла от вас передо мной? – спросил он слабым голосом, находясь еще в полусне.

– Работает в цирке, кажется, воздушная гимнастка, – ответил бородач.

– А причём здесь принц из Сомали?

– Этого я вам сказать не могу из соображений врачебной этики, – строго отрезал Кисиди. – Я вижу, мой хороший, вы уже отошли. Вам стало легче, но, чтобы болезнь не дала хронический эффект, психикой надо заниматься.

Доктор рекомендовал боксеру читать литературу о жизни крылатых насекомых и тренировать силу воли, пытаясь мысленно управлять ими. Ещё лысый бородач рекомендовал ходить в театр, в кино, предпочтительнее на лёгкие комедийные фильмы.

– А в цирк можно? – спросил Байков.

– Цирк – тоже неплохо. – Психиатр почесал бороду и добавил: – И никогда не надо бить человека по голове. Зачем бить по голове? Ведь черт знает что, может, случиться, если ушибить голову!

11 Копать надо глубже

За полчаса до начала заседания Конгресса возвратившийся из Европы Роберт Бейкер зашел в кабинет спикера Палаты представителей Джона Тили.

– Как там Елисейские поля? – шутливо спросил Тили, пожимая руку Бейкеру.

– Шумят, куда они денутся.

– А как тебе Версаль?!

– Роскошно, но туристов тьма.

– А «Мулен руж»?

– К сожалению, пришлось отказаться от посещения и вместо танца канкан и длинноногих красавиц созерцать кислую физиономию начальника французского Генштаба генерала Лонгарда.

– Почему так?

– Французы не знают причины гибели «Эльзаса», и это их беспокоит. Лонгард в ходе встречи со мной высказал заинтересованность в более активных действиях американской стороны по установлению истины.

– Но почему мы должны влезать в это дело? – возразил спикер.

– Незадолго до своей трагической гибели французская журналистка Ани Ламберт указывала, что в инциденте замешана американская подводная лодка. Допустим, наши моряки не имеют отношения к этой катастрофе, но надо все проверить и чётко заявить Парижу о своей непричастности.

– Хорошо. Что тебе нужно от меня?

– Я собираюсь, сославшись на пожелания французов, выступить с инициативой об образовании комиссии по расследованию причин гибели «Эльзаса», а ты поддержи и предложи меня в качестве председателя.

– Если хочешь взвалить на себя этот воз – пожалуйста.

Во вновь образованную комиссию вошли пять конгрессменов, которые поддержали предложение Бейкера вызвать в Вашингтон для опроса капитана подводной лодки «Страйкер» Генри Пакмана.

«Свой человек» раздобыл стенограмму первого заседания комиссии по расследованию причин гибели французской подводной лодки, и в тот же день документ лёг на стол Майклу Ферри. Сенатор позвонил адмиралу Кондраки.

– Как у тебя дела, Стив?

– Поправляюсь, в ближайшее время надеюсь выйти на нормальный режим.

– Давай, давай. Ты мне нужен не хилый и бледный, а весёлый и румяный. Тут такие дела, эта старая скотина Бейкер копает под тебя и собрался допросить в Вашингтоне командира «Страйкера». Имей в виду: этот твой капитан не должен появиться на Капитолийском холме. Упрячь его, как можно дальше.

– Будь спокоен, не появится, – заверил сенатора Кондраки.

– И ещё, с этим так называемым Жаном Люком твой парень определился?

– Пока никаких зацепок.

– Тут такое ещё соображение... Бейкер вылез со своей комиссией после возвращения из Парижа, посмотри, с кем он там контактировал.

– У него была встреча с начальником Генштаба, но Лонгард не тот человек, чтобы...

– Это понятно, – перебил адмирала сенатор. – Там, в Париже, не один Лонгард. Комай глубже. Кстати, в каком отеле останавливалась эта старая сволочь?

– Насколько я помню, в «Регине».

– Вот твоему парню и карты в руки. Пусть там всё хорошо перелопатит, может и вынюхает то, что ему надо. Мой человек в Конгрессе осторожно прощупал Бейкера и, по его мнению, этот плешивый козёл, что-то накопал про нас с тобой в Париже и знает больше, чем говорит.

12. Семён Семёныч

Механический крокодил, преодолев с надрывным воем очередной подъём, яростно затрясся и, плюнув напоследок облаком чёрного дыма, затих на вершине холма у большого строения на деревянных столбах с островерхой крышей из пальмовых листьев. Наверх вела приставная бамбуковая лестница, пространство под ней было закрыто тростниковой ширмой.

Агубар жестом показал чужеземцам выйти из машины. У капитана он вежливо изъясил пакет с бутылкой водки, банкой селёдки и судовым вымпелом.

За тростниковой перегородкой слышались возня и недовольное ворчание. Гости переглянулись. Капитан недоуменно пожал плечами. Агубар отодвинул ширму: в ржавой железной клетке металась обезьяна необычной серебристой масти. На шее у неё болталось ожерелье из ракушек.

Увидев гостей, пленница выхватила откуда-то пудреницу, помаду и, поглядывая в круглое зеркальце, стала красить пухлые губы, затем припудрила мордашку и, закончив макияж, забросила пудреницу в угол. Просительно повизгивая, она стала хлопать себя ладошкой по макушке и тянуть сквозь решётку лапу к капитанской фуражке.

Капитан недовольно крикнул, поправил форменный головной убор и отрицательно покачал головой.

– Зарипа, – представил кокетку Агубар.

Услышав знакомый ей хриплый голос, обезьяна обернулась и с размаху запустила в генерала тюбиком губной помады. Тюбик задел решётку и, изменив направление, упал в густую траву, а кривляка утратив интерес к капитанской фуражке, причитая и жалуясь, стала метаться по клетке.

На земле валялся велосипед без седла, со спущенными шинами и изогнутым «в восьмёрку» передним колесом. Агубар кивнул на изуродованное транспортное средство, сделал жест руками, будто отжимал мокрую тряпку, и, осуждающе скривив рот, показал пальцем на Зарипу.

Оставив резиновые тапочки на джутовом коврикe у лестницы, генерал полез наверх. Иван Васильевич и Назар Ефимович также разулись и по отполированным босыми ногами лестничным перекладинам последовали за ним.

В центре полутемного помещения на небольшом возвышении сидел, скрестив под собой ноги, маленький плотный человек в заломленной на правый бок золотой короне. Перед ним в квадратном, заполненном песком углублении горел костёр.

– Это, видимо, вождь собственной персоной, – шепнул Ганюшкин капитану.

Агубар, выхватив из ножен саблю, показал гостям стать на колени, поклонился человеку в короне, развернул клинок вертикально перед собой, распрямил плечи и что-то хрипло проорал. Затем, повинувшись знаку повелителя, поднялся на возвышение и с саблей наизготовку стал позади него.

– Интересно, сколько времени он нас продержит в таком положении? – тихо сказал капитан Фролов. – У меня уже ноги затекли.

Хозяин дважды ударил в ладоши. Из-за бамбуковой ширмы выскочила обнаженная по пояс маленькая стройная девушка с ожерельем из крупного белого жемчуга на смуглой шее и, не обращая, казалось, внимания на иностранцев, поклонилась ему.

– Найя! – представил её повелитель.

Это была, как позже выяснилось, родная сестра правителя острова. Девушка скрылась за ширмой, через секунду вернулась с двумя низкими табуретками и, поклонившись, поставила их перед гостями.

– На каком же языке с ним разговаривать? – спросил Ганюшкин.

На это Иван Васильевич только пожал плечами. Ответ на вопрос поступил от самого правителя острова. Показав пальцем на капитана, он спросил:

– Ты по-русски говорить?

У Фролова от неожиданности зачесалось в носу, и он вместо ответа громко чихнул.

– Будь здолов, – отзвался человек в короне.

– Мы оба на русском говорим, – радостно закивал Ганюшкин. Я ещё на английском, французском и испанском. Иван Васильевич, – академик кивнул в сторону капитана, – знает английский. А Вы, простите, – обратился Назар Ефимович к вождю, – где русский учили?

– Я Москва учился, – признался правитель острова и неожиданно обиделся на Ганюшкина, когда тот предположил, что туземец окончил университет Патриса Лумумбы.

– Э, почему Лумумба? Все говорят: «Лулумба, Лулумба». Россия много другой училищ есть. Я цирковой учился, на клоун.

Оказалось, что вождя зовут Семе Кударат Шестой. После окончания первого курса он три месяца стажировался в цирке города Сосногорска, однако в связи с болезнью отца Семе Кударата Пятого был вынужден оставить учёбу и срочно возвратиться на Таби-Таби. Сломанный велосипед, который гости видели у входа, подарил ему цирковой медведь Михаил Иванович Берлогин.

Эта история вызвала у капитана Фролова подозрение, что «с крышей» у властителя острова не всё в порядке, но Назара Ефимовича рассказ правителя, несколько не удивил.

Узнав от путешественников, что они пришли с подарками, но их изъяли при входе, Семе Кударат, нахмутив брови, посмотрел на Агубара. Военный молнией метнулся к выходу, и через несколько мгновений Семе Кударат вертел в руках вымпел с изображением парусника.

Оставив на циновке буханку чёрного хлеба, бутылку водки «Морской волк» и баночку селёдки, Агубар, пятясь и почтительно кланяясь, удалился. Вождь снял корону, которую тут же подхватила вынырнувшая из-за перегородки Найя. Затем она же принесла три стеклянные стопки, расписанные мелкими красными цветочками, и пристроила на огонь закопченный чайник.

Перед гостями выросло плетёное блюдо с плодами манго и бананами. В тоненьких руках Найи появился тяжёлый нож, двумя короткими ударами девушка разделила буханку на три части, а затем разрубила каждую ещё на четыре куска.

Отложив вымпел в сторону и, поворачивая бутылку то одной, то другой стороной, вождь долго рассматривал коренастого моряка на этикетке. Особенно его поразили длинные седые волосы морского волка и густая борода, лопатой падающая на тельняшку.

– На мой папа похож, – неожиданно заключил правитель, заботливо поглаживая бутылку. – Мой папа тоже был такой борода и полосатый рубаха – тельняха звать. Я этот тельняха ему в Москва купил. Папа очень любил. Надел и не снял, пока умер.

Затем Семе твёрдой рукой свернул «Морскому волку» алюминиевую закрутку, наполнил стопки, поднял свою и добавил:

– Давай махнём за мой папа, чтобы ему царство на небе!

На поясе у капитана загудела рация. Семе насторожился.

– Это мне с корабля сообщают, – успокоил его Иван Васильевич.

В наушнике что-то радостно забулькало.

– Боцман доложил, – сказал Фролов, выключив рацию. – Неисправность устранена. Осталось собрать двигатель. «Исток» сможет выйти в океан часов через десять-двенадцать.

Собеседники расслабились, российские гости стали называть вождя Семён Семёновичем. Разговор пошёл живее и откровеннее. Оказалось, что в Сосногорске Семе полюбил девушку, на которой хотел жениться.

– Хороший девушка. Волосы белый. Кожа тоже белый-белый... Ольга... хороший девушка... только на Таби-Таби ехать не хотел.

– Да, женщины народ капризный, – сказал на это Иван Васильевич, – не каждый остров им подходит.

Назар Ефимович спросил про обезьяну в клетке. Выяснилось, что Зарипа – любимая жена царя местных обезьян Дрилона. Когда обезьяний царь узнал о велосипеде, он попросил правителя острова позволить Зарипе покататься.

Семе загорелся идеей научить обезьяну исполнять на велосипеде разные трюки и воспитать из неё звезду цирка. Однако эта великолепная идея разбилась о беспросветную лень любимой жены Дрилона. Научившись в первый же день с горем пополам удерживать равновесие, Зарипа тут же выступила на портовой площади перед жителями острова и своими соплеменниками. Виляя рулем и рискуя упасть, обезьяна смогла объехать площадь, чем заслужила бешеные аплодисменты собравшихся людей и безграничный восторг у обезьян, гроздьями обвешавших ближайшие деревья.

Завершив круг, Зарипа небрежно бросила уникальный цирковой снаряд в пыль, стала прыгать, кривляться и посылать публике воздушные поцелуи. Обезьяны визжали и прыгали на ветках от восторга. Люди стали скандировать: «За-ри-па! За-ри-па!» Новоиспечённая звезда, которой неожиданная слава вскружила глупую голову, окончательно распоясалась, запрыгнула на трибуну почётных гостей, сорвала с правителя острова золотую корону и напялила на себя. Эта бестактная выходка вызвала у хвостатой публики безумный восторг, а Дрилон, сидевший в кресле рядом с Семе, прослезился и полез к вождю с поцелуями.

Обезьяны же, попрыгав с деревьев, повели себя на манер футбольных фанатов и вдребезги разнесли прилавки на площади. Чтобы утихомирить разбушевавшуюся дикую братию, воинам пришлось пустить в ход ракетницы. Украденную корону Семе Кударату вернули лишь на следующий день. Она была исцарапана, слегка погнута и без четырёх бриллиантов.

После своего триумфа Зарипа заболела «звездной» болезнью и напрочь отказалась учиться чему-либо ещё. Не помогли ни специально заготовленные для неё самые сладкие бананы, ни пудреница с зеркальцем. Обезьяна возненавидела велосипед и стала обращаться с ним варварски.

– Эта подлый тварь Зарипа зеркало смотрел, банан ел, а работать – нэт. Велосипед наломал совсем. Михалываныч Берлохин едет на один такой велосипед, другой давал мне, а третий такой на свете больше нэт. Я Зарипа клетка посадил, чтобы она думать лучше. Дрилон просить, плакать, но Семе ему Зарипа не дать.

Появился Агубар. Он поклонился вождю, что-то тихо доложил и, получив распоряжение, тут же скрылся.

– Мой министр войны говорит, – перевел Семе, – Дух моря дал подарок. Подарок брал царь обезьян Дрилон. Он хочет дать мне подарок и взять обратно Зарипа. Это будет представление, давай, вы тоже посмотреть.

13. Байков читает Брегея

Увидев входящего в библиотеку небритого смуглого парня в тёмных очках, Евгения Федоровна подняла очки на лоб, уж очень необычным показался ей вид нового читателя.

– Что вы хотите? – спросила библиотекарь, привставая со стула.

Кроме неё и этого странного типа, в помещении, уставленном книжными стеллажами, не было никого.

– Хотелось бы почитать что-нибудь про мух.

За двадцать три года работы в библиотеке у Евгении Фёдоровны ещё никто не спрашивал книг о мухах, если не считать молодых родителей, которых интересовало только одно произведение на эту тему – «Муха-Цокотуха» Корнея Чуковского.

– Каких мух?! – встревожено спросила она, разглядев выступающий из-под очков темный кровоподтек под глазом посетителя.

– Ну, обыкновенных, с крылышками, которые летают. – Константин взмахнул руками, имитируя полёт мухи, и прожужжал, представляя полный предсмертной тоски звук, издаваемый несчастным насекомым, попавшим в паучьи сети. Библиотекарша побледнела. Она сама показалась себе мухой, оказавшейся в западне: слабая женщина в безлюдном зале один на один с маньяком. Дрогнувшей рукой Евгения Фёдоровна показала в дальний угол.

– Про мух поищите там.

Станный читатель, не медля, направился к последней полке, где стояли книги о флоре и фауне, и стал внимательно рассматривать корешки. Не отводя глаз от широкой спины боксера, Евгения Федоровна набрала телефонный номер расположенного через улицу обувного магазина и попросила Карину Арутюнову «срочно зайти по важному делу», та примчалась через две минуты. Подруги, бросая косые взгляды на небритого посетителя, стали шептаться, но Константин их не замечал.

Наконец Байков нашёл то, что искал: на сером корешке отсвечивала золотом надпись «Мухи». Открыв первую страницу, Костя, не отрывая глаз от текста, медленно, словно в гипнотическом сне, присел за ближайший столик.

– Муха – членистоногое, открыточелюстное, крылатое насекомое», – прошептал Константин и, обхватив голову руками, погрузился в текст.

Слова, складывающиеся в точные научные фразы, звучали в голове как симфония, заглушая тот неприятный зуд в затылочной части, который, хотя и уменьшился под воздействием гипноза доктора Кисиди, всё-таки продолжал досажать боксеру.

Авторучка и блокнот для записей Константину не требовались: изголодавшийся по знаниям мозг впечатывал информацию в извилины. Особенно поразил боксёра тот факт, что в доисторические времена мухи по размерам и размаху крыльев превосходили современных ворон. Байков представил тучу таких мух, налетевших на стадо хищных динозавров. Грозные горы мощных мускулов и острых, не знающих жалости зубов, рыча и размахивая хвостами, трусливо бежали.

«Побежишь, тут, – подумал Костя. – Муха, такого размера сделает дырку в шкуре, из которой кровь будет бить как из крана».

«Кто же это написал?!» – заинтересовался Константин. На обложке выше названия было выдвинуто золотыми буквами поменьше: «У. Брегель». На титульной странице помещалась фотография автора. Внешность величайшего в мире знатока мух разочаровала Костю. В ней не было ничего выдающегося: длинный птичий нос, тонкая шея, жидкие, гладко зачёсанные назад волосы. На следующем развороте курсивом было набрано: «Любимой жене Дэзи в благодарность за долготерпение».

Подивившись странному посвящению, Константин постарался представить себе эту долготерпеливую Дэзи. В голове Байкова сама собой нарисовалась небольшая комнатка со стенами, увешанными рисунками мух. Посередине кресло, в котором женщина в кружевном чепце и в красном шёлковом пиджаке вяжет носок. Спицы так и мелькают, работа явно спорится, но вид у вязальщицы глубоко несчастный. Она укоризненно смотрит на мужчину с птичьим носом, который, уткнувшись в микроскоп, ёрзает на стуле в предвкушения нового открытия.

– Дорогой, – страдающим голосом говорит женщина, – ты всё со своими противными мухами... я не могу так больше жить.

– Любимая, ненаглядная Дэзи! – Отзывается мужчина, не отрываясь от окуляра. – Ты так долго терпела, ну, потерпи ещё чуть-чуть. Тут такой экземпляр... свяжи ещё носочек.

– Я уже связала тридцать три штуки! – Женщина вскакивает с кресла. Лицо её пылает от возмущения. Спицы и недовязанный наполовину носок летят в сторону, за ними, подпрыгивая, скачет клубочек шерсти. Из-под кровати выскакивает рыжий котёнок, захватывает двумя лапами клубок и начинает выделывать с ним кульбиты.

– Я не для того выходила замуж, чтобы вязать носки! – Жена учёного топает ногой так, что котёнок теряет игрушку, издаёт испуганный вопль и забивается под кровать.

– Ну, дорогая, потерпи ещё совсем немного, – жалобно просит Брегель, не оставляя тем не менее своего занятия.

На глазах Дэзи появляются слёзы. Она плачет, вытирая платочком покрасневшие веки. Расстроенное лицо молодой женщины, пиджак и джинсы кажутся Константину очень знакомыми. Где он её видел? Ну как же! Это та самая, которая была у Кисиди! Эх, ма, куда её занесло! Да ещё этот чепец...

– Молодой человек, – неожиданно ворвался в мысли боксера строгий женский голос. Костя встряхнул головой. Видение исчезло. Вместо блондинки в красном перед ним стояла библиотекарьша, и рядом с ней черноволосая женщина. – Молодой человек, – повторила Евгения Федоровна. – Библиотека закрывается. Поставьте книгу на место и освободите помещение.

– А на дом взять можно? – спросил Байков, бережно закрывая толстый труд.

– Литература из читального зала на руки не выдаётся. Приходите завтра.

14. Пирамиды Жоры Лабазова

Не было бы никакого «мухановского катаклизма», если бы хозяин птицефабрики «Фламинго», разместившейся на полпути между Мухановкой и райцентром Лаптево, Георгий Лабазов по прозвищу Жора Окорочок выполнил обещание, данное главе районной администрации.

За три недели до «катаклизма» Захарин проезжал мимо заброшенного поля, которое Жора превратил в свалку для отходов. Поморщившись от неприятного запаха птичьего помета, разложившихся куриных потрохов и тухлых яиц, Василий Петрович скомандовал водителю:

– Юра, прибавь!

– Да как же я прибавлю?! – Взмолился шофер. – Дорога-то какая?! У машины колеса отвалятся, и почки вам отобью вдобавок.

«Давно надо было бы привести трассу в порядок, – подумал глава района, закрывая нос платком от жуткого запаха. – Да где денег взять?! А еще этот Жорка! Загадил участок и не чешется!»

Когда, наконец, машина преодолела не самый приятный отрезок пути, чиновник достал из нагрудного кармана мобильник, нашёл телефон Лабазова и надавил кнопку.

– Жора, слушай, ты знаешь, что применение химического оружия карается международными законами?

– Слышал что-то... ты к чему, Василь Петрович? – Опасливо спросил Окорочок, догадываясь, что глава администрации неспроста задал ему этот странный вопрос.

– А вот к чему. Вы, господин Лабазов, со своими курами у меня в районе химическую войну устроили. Еду сейчас мимо поля, что от тебя в сторону Мухановки, запах такой – хоть коровам противогазы выписывай. Ты понимаешь, о чём я говорю?

– Да, конечно, Василь Петрович, я давно хотел запахать, да руки не дошли.

– А у меня дойдут. Нашлю на тебя областную санитарную инспекцию. Мало не покажется.

– Василь Петрович, наведу порядок, не волнуйся.

– В ближайшие дни, понял?!

– Не надо инспекцию, Петрович, вызову трактор и сделаю.

Однако ночью резко похолодало. С севера напоззли тяжёлые тучи и обрушились сильнейшим снегопадом. Ранний снег лёг на поля, повис на не успевшей опасть листве. Сырой туман окутал окрестности. Промозглая, слякотная погода простояла дня три. Снег таял и опять выпадал, превратив окрестности в непроходимые для техники болота.

«Ну, теперь уж до весны, – решил Лабазов – Мало ли чего Захарину захотелось?! Стихия есть стихия. Я, конечно, обещал, но возникли обстоятельства. Большой снег уже на носу. Дело такое, что стерпит!»

Неожиданно последовавшая за осенней слякотью сумасшедшая жара опрокинула логику прижимистого предпринимателя, а обильно политые дождями и прогретые горячим солнцем навозные пирамиды превратились для мух в идеальные питомники.

15. Как с Гонсалесом

В отличие от Мухановки этот ноябрь в американской столице не был аномальным. Температура колебалась в рамках среднестатистических показателей, а вечер, когда вьетнамский посол в Вашингтоне устроил приём по случаю отъезда из Штатов своей военной делегации, был ясным и безоблачным. Над трёхэтажным зданием посольства Вьетнама колыхался красный флаг с золотой звездой. Конгрессмен Роберт Бейкер, выйдя из машины, привычно поправил галстук, застегнул костюм, оглянулся и увидел, как из подъехавшего вслед за ним лимузина вышел министр обороны.

«Тебя-то мне и надо», – Бейкер остановился и подождал Артура Маккензи.

– Не ожидал тебя здесь увидеть, – сказал тот, пожимая руку конгрессмену.

– Почему же?! После того как я провел пару лет в ханойской тюрьме, вьетнамцы меня считают своим. На каждый приём приглашают... но это ладно... у меня к тебе дело.

– Что ты хотел?

– Можешь прояснить, где в настоящий момент находится подводная лодка «Страйкер»?

– Она сейчас на Тайване. А зачем тебе?

– Комиссия, председателем которой я являюсь, хотела бы заслушать капитана «Страйкера» Генри Пакмана в качестве свидетеля по делу о гибели «Эльзаса».

Маккензи нахмурился. Кому понравится, когда подчинённого вызывают для дачи свидетельских показаний, но с комиссией Конгресса не поспоришь.

– Насколько это важно? – спросил он.

– Очень важно.

– Ладно, – вздохнул Маккензи. – Пришлю капитана в Капитолий.

Следствием этого разговора стала телеграмма командующему Восточноазиатской группировкой. Прочитав её, Кондраки позвонил в Субик Биллу Вольфу.

– Пакмана вызывают в Вашингтон, но он там появиться не должен. Направляю его к тебе. С ним – как с Гонсалесом.

– Но это не так просто, – попытался уклониться от неприятного задания Билл. – Американский офицер, к тому же командир подводной лодки, он у филиппинцев как муха под увеличительным стеклом!

– Руки боишься испачкать?!

– Не то чтобы... но... – попытался что-то сказать в своё оправдание Билл, адмирал не дал ему этого сделать.

– Я тебя там держу не для того, чтобы каждый раз с тобой торговаться! – Раздражённо рявкнул командующий. – Выполняй!

– Я всё понял, сделаю, как ты хочешь, – голос Билла Вольфа дрогнул.

– Нужные распоряжения на «Страйкер» будут направлены! – Кондраки бросил трубку.

16. Подарок царя обезьян

Солнце стояло еще высоко над Таби-Таби, когда внизу под домом вождя началась суета, послышались повелительные крики Агубара. Голова генерала показалась в проёме, он что-то хрипло доложил вождю.

Семе Кударат надел корону, сдвинул её, как всегда, набок, глянул в зеркало, висящее на столбе, и довольный посмотрел на гостей.

– Давай выходить! Только солнце много. Все голова прятать.

Под широкой бамбуковой террасой полукругом стояли две шеренги воинов с ракетницами на поясах.

– Обезьяна идёт там! – Оживился Семе Кударат и показал рукой.

Действительно, из густого кустарника, окружавшего широкую поляну, показалось тёмное копошащееся пятно и медленно поползло вверх. Оживленно щебетавшие птицы смолкли, как по команде, и в наступившей тишине послышались приглушённые крики, взвизгивания и рычание.

– Обезьяны, – сказал капитан, приложив к глазам бинокль и осторожно подкручивая винтик наводки резкости, – выстроились в пирамиду, на вершине которой какое-то лохматое существо. На, посмотри.

Бинокль перешёл к Назару Ефимовичу, и тот увидел в окулярах вознесённый над головами приматов паланкин, на котором важно восседала толстая обезьяна в тёмных очках. Низкий лоб существа перетягивала белая повязка.

Семе, получив в свою очередь бинокль, прояснил ситуацию так:

– Дрилон, собака, мой очки украл, на носилка сел, а все другой обезьян его везёт. А там, сзади, смотри, два настоящий человек!

– Люди?! – удивился Иван Васильевич, которому Семе возвратил бинокль. – Не может быть! Ну-ка, ну-ка... Точно, мужчина и женщина. Идут позади со связанными руками.

Вождь что-то прокричал вниз. Охрана защёлкала курками, нацеливая ракетницы в сторону обезьян. Мускулистый воин втащил на балкон стянутый лианами мешок, из которого торчала голова Зарипы. Рот любимой жены царя обезьян был заткнут соломенным кляпом, жёлтые глаза горели ненавистью. Пытаясь избавиться от пут, она извивалась всем телом, и мешок, как живой, дёргался и прыгал по настилу.

Обезьяны остановились метрах в тридцати от строения и почтительно опустили паланкин на траву. Дрилон слез с носилок, встал на две лапы и выпрямился. Свесив почти до земли страшные лапы, широкий как краб, обросший лохматой шерстью, царь обезьян сделал два тяжёлых шага и издал гортанный рык. Обезьянья свита засуетилась, и вперёд были выведены высокий седой мужчина и темноволосая женщина в изодранных одеждах.

По знаку Семе Кударата воин приподнял над оградой террасы бьющийся в конвульсиях мешок. Увидев любимую жену, Дрилон содрал с себя очки, забросил в траву и заплакал, размазывая лапами слёзы. Вслед за повелителем жалобно взвыл весь обезьяний хор.

Зарипа застонала, замотала головой, вытолкнула изо рта кляп и так пронзительно взвизгнула, что воин от неожиданности выпустил мешок из рук, верёвка, которой была затянута мешковина, развязалась. Зарипа, освободившись из неволи, молнией соскользнула по столбу вниз, и стремглав понеслась к соплеменникам.

Дрилон издал радостный рык, раскинул лапы и, когда Зарипа запрыгнула ему на грудь, прижал к себе. Та защебетала что-то, показывая пальцем на дом правителя острова, затем, извернувшись, уселась на спину супруга и нетерпеливо заколотила пятками по его бокам. Обезьяны, оставив пленников, подняли носилки с Дрилоном и Зарипой над головами и с гиканьем понеслись вниз к джунглям.

17. Тренд, бренд энд драйв

Мухи властвовали в Мухановке уже третий день, когда секретарша, наконец, изволила соединить Захарина с губернатором.

– Что ты меня дёргаешь?! – недовольно спросил Люмкин таким голосом, что Василию Петровичу показалось, будто из трубки пахнуло перегаром. – Понедельник – вообще день тяжёлый, да к тому же сенатор из Москвы наведалься, а тут ты ещё зудишь со своей Мухановкой!

– Народ бедствует, Владислав Максимович, вот я и звоню, – зазвучал в трубке голос Захарина. – Надо хоть как-то помочь людям.

– Ты думаешь, что губернатору больше делать нечего, как вашей Мухановкой заниматься?! – Возвысил голос Люмкин. – То ремонтом дороги доставал, теперь мухами. Может, хватит?! У тебя такой тренд, я смотрю, чуть что – к губернатору. А где твой собственный драйв?!

– Я стараюсь, Владислав Максимович, но финансовый ресурс районной администрации ограничен.

– Бюджет области не резиновый! Этому дай, тому дай... Я как та Тамара, которая всем давала. На травлю мух у меня нет ни копейки. Они как сами прилетели, так сами и улетят!

Захарин недоумённо посмотрел на трубку, разразившуюся недовольными короткими гудками, покрутил головой и после небольшого раздумья достал мобильник. Набрал номер главного канала столичного телевидения, представился и изложил то же самое, что минуту пытался донести до губернатора.

– Да, – ответил ему вежливый женский голос из высокой телевизионной башни, – тема необычная, а в свете событий в американском Гринхилсе – актуальная. Мы вам перезвоним.

Через несколько минут тот же доброжелательный голос донёс до главы Лаптевского района, что в области находится репортёрская группа, которая немедленно будет перенаправлена в Мухановку.

– Спасибо, – поблагодарил Захарин, – только у нас дороги, боюсь, москвичи не поедут.

– Эти москвичи поедут, – заверили из Останкино. – У вас там подходящее средство передвижения найдётся?

– У нас есть.

– Номер вашего телефона мы сообщим корреспонденту. Как вас по отчеству?

– Василий Петрович.

– Понятно, – отозвалась сотрудница телевидения. – Корреспондент с вами свяжется. А вы, Василий Петрович, пожалуйста, обеспечьте группе доставку.

– Будьте спокойны, за нами дело не станет, – заверил Захарин.

В новостях следующего дня на экранах телевизоров бесновались атаковавшие Мухановку полчища крылатых насекомых. Они жужжали, ползали по оконным стеклам, копошились на полах, роились под потолком. Подоконники, словно живые, шевелились под толстым слоем мух. Гроздя утонувших насекомых плавали в вёдрах, корытах и железных бочках с водой, которую жители деревни держали про запас.

«Село близко к гуманитарной катастрофе! – комментировал диктор. – Однако областные власти не предпринимают ничего, чтобы помочь людям!»

Большой интерес к кадрам, отснятым в скромном селе российской глубинки, проявили и американские телезрители.

«В нашествии насекомых ничего экстраординарного нет, – прокомментировал случившееся в Мухановке профессор Брегель. – Это достаточно редкое, но далеко не сверхъестественное явление. В своё время полчища мух обрушивались на американский Мейсон-Сити, мексиканский Пьедрас-Негрос, сербский Кралево, а в России – на город Чебаркуль и уральскую деревню Верхние Караси. Тем не менее, рассматривая Мухановский катаклизм через призму случившегося в Гринхилсе, надо следить за развитием ситуации, чтобы своевременно выявить тенденцию опасной мутации насекомых, если таковая возникнет».

18. Интервью Цусика

Строев внимательно перечитал запись разговора Кондраки и Ферри. Если для двух заговорщиков личность человека, подписавшегося Жаном Люком под посланием журналистке Ани Ламберт, оставалась загадкой, то Строев не сомневался, что это был Николя Бризар, и понимал, что началась охота на полковника.

Необходимо было срочно предупредить французского офицера об опасности. С этим деликатным делом мог бы справиться профессор Глебов. Генерал потянулся за трубкой городского телефона, чтобы позвонить Андрею Петровичу, но его движение остановил зуммер прямой линии связи с приёмной министра. Алла Булкина в свойственной ей повелительной манере передала просьбу шефа ознакомиться с интервью, которое Цусик дал корреспонденту газеты «Новые известия».

«До чего же наглая баба! – подумал Александр Иванович. – Затащила на себя министра, и гонору теперь как у президента Уганды!»

Интервью, как обычно, открывалось комплиментами Цусика в адрес президента.

«Как можно в такой бесцеремонной манере петь дифирамбы начальству?! – Брезгливо скривился Строев. – Ещё бы написал: “мы живём только благодаря Вашим титаническим усилиям, господин президент!” Проходили же это не один раз! Как таким ребятам не стыдно?! И славословят, и славословят. Был бы я президентом – запретил бы указом любые восхваления в свой адрес, но, видимо, тот сам уже вошёл во вкус. А уйдёт – будут поливать прежнего кумира грязью с таким же радостным энтузиазмом, как сейчас восхваляют. Сколько таких угодников знает история!»

Генерал без особого интереса пробежал глазами несколько бодрых абзацев, и вдруг от очередного тезиса кровь ударила ему в виски. «В результате ввода в строй комплекса по перехвату линий закрытой космической связи, – хвастливо заявлял Цусик, – нам стала поступать важная информация о планах некоторых стран по созданию новых типов запрещённого международными законами биологического оружия».

«Идиот! Любой командир взвода знает, что радиоразведка, тем более на стратегическом направлении, – секрет из секретов. Нет смысла прослушивать секретные переговоры противника, когда соперник знает, что его слушают. Он или сменит канал, или, что ещё хуже, начнет гнать дезинформацию. Это же надо, Цусик уже два года как министр, а до сих пор не понял, в какое кресло его усадили!»

Генерал взял трубку.

– Цусик слушает, – раздался бархатный голос министра.

– Хотел бы поговорить по поводу вашего интервью.

– Пожалуйста, пожалуйста, Александр Иванович. Какие могут быть вопросы, заходите.

Глава оборонного ведомства сидел за столом словно юбиляр, приготовившийся к приему поздравлений. «Что-то он припоздился», – подумал Цусик, когда вошел Строев. Это был уже четвертый заместитель, зашедший к министру в связи с публикацией. Первые три поздравили с «великолепным интервью», теперь он ждал выражения восторгов от Строева, но на лице у Александра Ивановича признаков бурной радости написано не было.

– Я к вам по серьёзному вопросу, – начал Строев. – Вы представляете себе, что такое радиоразведка?!

– Ну, конечно... в какой-то мере, – опешил министр от такого вступления.

Генерал попытался втолковать министру основные понятия:

– Благодаря перехвату закрытой информации государства выигрывают или проигрывают великие сражения. Американцы, не успев грамотно распорядиться дешифрованными японскими материалами, потерпели катастрофическое поражение в декабре 1941-го в Перл-Харборе, но, когда сумели скрыть от противника, что читают его закрытую переписку, нанесли сокрушительный удар по японцам у атолла Мидуэй и повернули ход войны на Тихом океане в свою пользу.

– Не надо мне читать лекции! – Скривил губы Цусик.

– Я бы не заходил к вам, но интервью раскрывает исключительно секретное направление нашей работы!

– Я думаю, что вы излишне драматизируете ситуацию, – в голосе министра послышались нотки недовольства. – В статье не называются объекты прослушивания. Уверен, Пентагон на публикацию никак не отреагирует.

«Отреагирует он или не отреагирует, – подумал Строев, – мы об этом, может быть, никогда и не узнаем, но прокол очень серьёзный!»

Опасения генерала сбылись. Через неделю ему позвонил начальник станции перехвата космических каналов связи капитан Сенин и доложил, что канал Кондраки – Ферри пропал, предпринятые усилия по его розыску результата не принесли.

«Чего и следовало ожидать, поменяли канал», – констатировал про себя Строев, а вслух сказал:

– Это потеряли, что-нибудь новенькое нашли?

– Нащупали линию связи Кондраки с командиром крейсера «Честер». Это, конечно, не равноценная замена, но всё-таки...

19. История Змеелова

– Ты кто есть? – спросил на русском языке Семе Кударат освобождённого из обезьяньего плена мужчину.

Тот, не поняв вопроса, отрицательно покачал головой. Девушка, спутанные волосы которой лежали на худеньких плечах, слабо улыбнулась.

– Они не знают русского, – заключил Ганюшкин.

– Вы кто? – спросил капитан Фролов на английском.

– Я – американец, она, – мужчина показал на свою спутницу, – филиппинка.

– Как вы оказались у обезьян?

– Наша яхта потерпела крушение. Все погибли. Спаслись только мы. Течением шлюпку вынесло к острову, выбросило на берег, где нас захватили обезьяны. – Мужчина настороженно уставился на форменную фуражку капитана. – Где мы сейчас?

– Вы находитесь на острове Таби-Таби в доме местного правителя Семе Кударата Шестого. – Иван Васильевич показал на вождя, и тот, вежливо наклонив голову, приложил пальцами к короне. – А мы русские. Академик Ганюшкин и я – капитан парусного фрегата «Исток» Фролов.

– Ганюшкин, Ганюшкин, – повторил американец, всматриваясь в лицо ученого. – Вы занимаетесь мышами?

– Точно так. – Назар Ефимович снял шляпу, блеснул лысиной и опять прикрыл её головным убором.

– Я – доктор Милтон, а она – Нимфа.

– Доктор Милтон?! – Зрачки Назара Ефимовича расширились от изумления. – Ваше исчезновение взбудоражило весь учёный мир. Где вы пропадали?

– Долго рассказывать. – Нахмурился американец. – Не сейчас.

– Надеюсь, теперь, после приключений на Таби-Таби, вы порадуете коллег-ученых исследованиями в новой для вас области. Например, на мой взгляд, большой интерес представила бы работа об иерархической структуре в социуме человекообразных обезьян или...

– Нет, – поспешно перебил Ганюшкина доктор Милтон. – Я не собираюсь писать о приматах. Поверьте, пребывание в обезьяньей стае не самое большое удовольствие. По мне, так лучше иметь дело с десятью змеями, чем с одной обезьяной.

Со Змееловом и Нимфой произошло следующее. После отхода яхты «Калифорния» с острова Ликпо Рональд Милтон, обшарив капитанскую каюту, нашёл пакет с деньгами, в

котором было шестьдесят тысяч долларов, паспорта Дэна Ливингстона и подопытных филиппинцев, а также ноутбук Аптекаря.

Сразу после того, как замеченный Нимфой беспилотник-разведчик трижды облетел яхту, Змеелов, распорядившись изменить курс, спустился в каюту и засел за компьютер, в котором, как оказалось, начальник лаборатории вёл дневник и хранил переписку с Кондраки, и с бывшим американским военным атташе Биллом Вольфом.

Появление над «Калифорнией» беспилотного, разведывательного аппарата встревожило доктора Милтона, и он поделился своей обеспокоенностью с Дэном Ливингстоном.

– Дела наши не очень весёлые. За бандой, орудовавшей на Ликпо, стоит командующий Восточноазиатской группировкой. Самолёт-разведчик послал он.

– Кондраки?! – удивился бывший сержант. – Не может быть!

– Я нашёл в компьютере переписку начальника лаборатории на Ликпо с адмиралом, и у меня сомнений не осталось.

– Да, – повертел головой Дэн Ливингстон, – простой переменной курса от такого преследователя не отделаешься. Что ты предлагаешь?

– Надеюсь на лучшее, будем готовиться к худшему. Раздай спасательные жилеты. Накачай резиновую шлюпку, поставь на палубе и загрузи бутылками с водой и продуктами. Деньги, которые мы нашли, разделим. Может, нам придётся выживать поодиночке.

После попадания первой ракеты в носовую часть яхты Змеелов успел выскочить из каюты. Вместе с ним в узком проходе оказалась и Нимфа. Подтащив девушку, потерявшую от страха способность двигаться, к трапу, доктор выдернул клапан на её спасательном жилете.

После второго взрыва вода, хлынувшая внутрь яхты, затопила коридоры, «Калифорния» стала быстро тонуть, но наполнившиеся воздухом жилеты вытолкнули Нимфу и Рональда наверх. Резиновая шлюпка раскачивалась на волнах. Змеелов забрался на неё сам и помог влезть филиппинке. Другим выплыть не удалось. Через трое суток морское течение выбросило лодку на остров, где обессиленные беглецы попали в лапы обезьян.

– Нам бы теперь выбраться отсюда. Какой у вас по маршруту ближайший порт захода? – обратился Змеелов к капитану Фролову.

– Сингапур.

– Может, прихватите нас?

– Что за вопрос? Берём! – вмешался в разговор академик.

– Погоди, Назар Ефимович, – сказал по-русски Фролов. – Согласно инструкциям... в наш век пиратства и терроризма... мне нужно запросить разрешение принять на борт двух посторонних. А как долго будут во Владивостоке рассматривать вопрос, одному богу известно. Твое прибытие в Мумбай отложится, по крайней мере, на неделю.

– Нет, так не пойдёт!

– Что будем делать?

Милтон, не зная русского, понимал, что обсуждается его вопрос, и ободряюще кивнул Нимфе.

– Я, академик Ганюшкин, – настаивал Назар Ефимович, – ручаюсь: доктор Милтон не пират и не террорист. Мы не можем отказать в помощи известному учёному. Молчать о том, что он нашёлся, также будет неправильно.

– Предлагай вариант, – нахмурился капитан.

– Давай так, – сказал Ганюшкин после минутного раздумья. – Сообщи во Владивосток, как бы для сведения, что туземцы Таби-Таби спасли потерпевших кораблекрушение американского учёного Рональда Милтона и филиппинскую гражданку Нимфу Санчес, и всё.

– Но если мы берём их на борт, докладывать всё равно надо.

– А ты сделай это часа через три после выхода в океан. Пароходство, как я понимаю, не будет требовать возвращения яхты обратно на Таби-Таби.

Капитан кивнул в знак согласия и повернулся к Милтону.

– Мы берём. Только с помещениями напряжённо. Удобно ли будет поместить вас обоих в одной каюте?

Милтон перевёл вопрос Нимфе. Девушка вместо ответа улыбнулась, кивнула и, шагнув к Змеелову, прижалась к нему.

Возвратившись на парусник, Иван Васильевич приказал боцману разместить двух новых пассажиров в резервной каюте. Команда была оповещена о концерте, который пообещала устроить для российских моряков «администрация острова Таби-Таби». Отдав нужные распоряжения, Фролов спустился в машинное отделение, где под руководством старшего механика курсанты в перепачканных мазутом робах завершали сборку двигателя.

– До полуночи, товарищ капитан, точно закончим, – доложил стармех.

Поднявшись на капитанский мостик, Фролов, дал во Владивосток радиogramму о том, что на острове Таби-Таби обнаружен пропавший несколько месяцев назад известный американский учёный доктор Милтон и филиппинская гражданка Нимфа Санчес.

Содержание радиogramмы командира русского парусника тут же было доложено адмиралу Кондраки.

«Пока они на острове, прихлопну обоих, как тараканов!» – решил командующий, и попросил срочно соединить его с командиром авианосца «Джордж Вашингтон»

Утром в кабинет главного администратора отеля «Регина» на площади Пирамид в Париже вошёл коренастый усатый человек. Говорил он на французском с сильным американским акцентом. Представившись первым секретарём и сотрудником службы безопасности посольства США Вилли Парсоном, поинтересовался, фиксируются ли техническими службами отеля телефонные переговоры гостей.

– Да, месье, – признался администратор. – Мы записываем все звонки, поступающие в гостиничные номера из города, и заранее предупреждаем клиентов, что это делается из соображений безопасности в их же собственных интересах.

– Сколько времени вы храните эту информацию?

– Три месяца, месье, затем стираем с компьютерных дисков.

– Это хорошо. В таком случае я, как представитель посольства, хотел бы ознакомиться с записями, имеющими отношение к американским гостям отеля за последние несколько недель.

– Но это невозможно, месье. Мы гарантируем нашим клиентам тайну личных переговоров.

– Теракта в вашем Париже можно ожидать в любое время, а американские функционеры – мишень номер один! – Стальные глаза американца впились в лицо администратора. – Поэтому, заботясь о безопасности сограждан, хочу знать, кто пытался контактировать с ними в период проживания в вашем отеле. Скажу более: посольство сможет в дальнейшем размещать в «Регине» делегации только при условии доступа ко всем данным, имеющим отношение к безопасности. Если вы не согласны, в Париже достаточное количество отелей, владельцы которых готовы учитывать наши интересы.

Администратор провёл ладонью по подбородку. Американские делегации приносили отелю достаточно регулярный доход, отказываться от которого было бы непозволительной роскошью.

– Подождите минутку. Я попрошу оператора, и он даст вам возможность прослушать записи. Но это строго между нами.

– Договорились, я жду, – сказал американец, уселся в кресло, закинул ногу за ногу и забросил в рот жевательную резинку.

20. Представление

На портовой площади раздались крики, щёлканье бичей, лошадиное ржание. С палубы курсанты увидели маленьких лошадок, волоком тащивших за собой небольшие брёвна и связки бамбука. Засуетились смуглые строители, застучали топоры. К вечеру в центре площади вырос прямоугольный помост, напротив него – украшенная аркой из пальмовых листьев трибуна для почётных гостей с тремя плетёными креслами посередине.

В то время, когда на Таби-Таби шла подготовка к представлению, в подземном кабинете Кондраки раздался зуммер аппарата закрытой космической связи.

– Как здоровье? Какие новости? – спросила трубка голосом сенатора Ферри.

– Здоровье налаживается. Тут, Майкл, новое беспокойство. Я только что прочитал телеграмму капитана русского парусника. Невероятно, но факт: Змеелову и одной филиппинке удалось спастись с расстрелянной беспилотником «Калифорнии».

– И где они сейчас?

– На Таби-Таби.

– Это что такое – Таби-Таби? Никогда не слышал.

– Маленький остров в Тихом океане. Я разворачиваю авианосец и направляю туда.

– Да, пожалуй, ты прав. Бери их тепленькими и решай.

Авианосец «Джордж Вашингтон», возвращавшийся на остров Руам, получив приказ изменить курс, развернулся и двинулся в направлении Таби-Таби. Пятнадцать двухвинтовых, вместительных, как трамвайные вагоны, вертолетов «Чинук» стояли на палубе корабля, и три из них готовились к вылету. Майор Фрэд Крамер, двухметровый гигант, в заломленном набок берете, собрал в своём отсеке командиров трёх групп.

– Мы находимся сейчас вот здесь. – Он высветил лазерной указкой точку в океане. – От острова Таби-Таби нас отделяют пятьсот километров. Вылетим, как только расстояние сократится до двухсот. Задача – розыск и ликвидация двух опасных террористов. Тщательно изучить сектора, на которых будете действовать. Проверить экипировку каждого бойца. По моей команде, которую дам за полчаса до вылета, выстроить личный состав для инструктажа.

Майор вручил подчинённым карты острова, разделённые на три зоны ответственности. Каждому офицеру была поставлена задача с учётом особенностей его сектора.

– За жизнь каждого морпеха отвечаем головой, – завершил инструктаж Крамер. – Лишней крови не нужно... ни нашей, ни туземной.

Майор взглядом удава окинул подчиненных, пытаясь внушить им в подкорку то, что сказал.

– Вопросы есть?

– Что представляет собой местная армия? – поинтересовался командир первой группы лейтенант Шелдон.

– Её, по данным разведки, не существует. Несколько сот туземцев вооружены копьями и ракетницами. Вряд ли они осмелятся нам помешать.

– Почему ночью, неужели нельзя подождать до утра? – задал вопрос командир второй группы лейтенант Филипс.

Майор и сам понимал, что десантирование в тёмное время увеличивает риск, но в приказе адмирала Кондраки было сказано: «Обеспечить высадку морской пехоты на острове Таби-Таби в кратчайшие сроки».

– Приказ есть приказ. Они думают, – Фрэд Крамер показал пальцем в потолок, – наше дело – исполнять.

Когда тень от горы Муратаби накрыла портовую площадь, она стала заполняться туземцами. На помосте, застеленном к этому времени циновками, появились лохматые, голые по пояс парни в коротких до колен штанах. Их татуированные тела блестели от пота. На шеях болтались амулеты в виде кожаных мешочков, деревянных резных кружков и кабаньих клыков. Углы сцены заняли пузатые, оплетенные кожаными ремнями барабаны, над ними закачались потемневшие от времени диски бронзовых гонгов. По краям помоста на длинных шестах горели факелы.

Под рокот барабанов двенадцать воинов внесли на почётную трибуну три паланкина, в которых восседали Семе Кударат, академик Ганюшкин и капитан Фролов. Собственно восседал на красных, расшитых узорами подушках только вождь. Глагол «воссесть» в отношении российских гостей можно было применить с большой натяжкой. Россияне, стеснённые чрезмерными по их понятиям почестями, нервничали.

«Тум-ту, тум-ту-тум-ту, тум-ту», – загремели барабаны. В свете факелов четверо босых юношей в чёрных, украшенных цветными лентами высоких шапках, ступая мягкими кошачьими шажками, внесли, удерживая над собой, громадное бронзовое блюдо с отрубленной бычьей головой. Дойдя до центра помоста, они опустили блюдо, а сами расселись на коленях по сторонам.

Рокот барабанов усилился. На сцену выскочили охотники с копьями. Образовав широкий круг и нацелив острые наконечники на бычью голову, они с гиканьем запрыгали то в одну, то в другую сторону.

– Танец называть убить дикий корова муж, – прокричал Кударат гостям.

– «Корова муж», не говорят, – поправил вождя Назар Ефимович. – По-русски муж коровы называется бык. То есть, как я понимаю, танец изображает охоту на дикого быка.

– Да, да. Точно так, – подтвердил Семе.

Охотники с копьями наизготовку постепенно сужали кольцо вокруг блюда. «Бум-бум», – ударил по ушам надтреснутый голос бронзового гонга. Самый маленький по росту охотник, быстро размахнувшись, пронзил копьём воздух над бычьей головой. Тяжело грохнул барабан, и все охотники, словно испугавшись ответного нападения быка, отпрянули назад. Толпа на площади ахнула и также подалась от сцены.

Танцоры с копьями продолжили свою пляску, потрясая оружием, то приближаясь, то отдаляясь от бычьей головы, поочередно имитируя удары копьями, пока, наконец, самый высокий и крепкий восьмой по счёту воин не сделал свой выпад, который, как оказалось, означал, что животное повержено.

Охотники затряслись в танце. Они крутились на месте, били по воздуху копьями, прыгали вокруг ритуального блюда, пока носильщики не внесли на сцену глиняный кувшин, из горловины которого торчали тонкие тростинки. Остановившись и припав на одно колено, танцоры одновременно приложились к тростинкам.

– Они выпить наш рисовый водка, – пояснил Кударат. – Мы потом тоже выпить. Очень вкусно.

Воины вновь и вновь прикладывались к напитку и, в конце концов, пошатываясь, сошли со сцены.

Барабаны стихли, и в наступившей тишине послышались аплодисменты. Это курсанты благодарили артистов. Вождь трижды хлопнул в ладоши.

К почётным гостям поднялась девушка с кувшином на голове. Присев, она поставила сосуд и опустила в него три тростинки. Затем, соединив ладони, приложила их ко лбу, поклонилась и тут же, плавно ступая босыми ногами, удалилась.

– Давай, выпить наш водка. – Семе приложился к соломинке.

Назар Ефимович, втянув в себя через тростинку горьковатую жидкость, закашлялся.

– Что, крепкая? – спросил его капитан.

– Я бы не сказал, что крепкая, просто непривычно через трубочку цедить. – Ганюшкин опять потянулся к тростинке. Иван Васильевич последовал его примеру.

Площадь зашевелилась как муравейник. Среди толпы появились кувшины с напитком. Мужчины и женщины припадали к тростинкам, торчавшим из узких глиняных горлышек, и, насосавшись, отходили, уступая место другим.

«Это скорее не культурное мероприятие, а какая-то ритуальная пьянка. Хорошо, что я запретил курсантам сходить с фрегата, а то могла получиться такая дружба между народами, что черти бы ахнули от зависти», – подумал многоопытный капитан.

Девяносто морских пехотинцев в полной боевой экипировке выстроились на палубе. Майор Крамер обошёл строй.

– Вылетаем на Таби-Таби на поиск террористов. Весь остров мы обшарить не в состоянии. Основной способ – опрос аборигенов, они наверняка знают, где скрываются чужаки. За информацию обещайте награду – двадцать тысяч зелёных за каждого бандита, их фотографии – мужчины европейской наружности и женщины – азиатской – командиры вручат каждому из вас на борту вертолетов. Лёту – сорок пять минут, успеете насмотреться. Нас почти сто, а их двое. Риск минимальный. Напрасной крови не нужно. Вначале думаем, а потом стреляем... вопросы есть? – Майор обвёл глазами бойцов, выстроенных в две шеренги. – Я так понимаю, нет. Тогда по машинам!

Смоляные светильники вокруг сцены разом погасли. В бледном лунном свете обозначился силуэт покачивающегося на мелких волнах парусника. Все на миг стихло, пока вновь ожившие гонги не взорвали тишину.

На сцену выскочила обнаженная по пояс девушка. Она, изгибаясь и раскачиваясь, словно огненными веерами, обмахивалась четырьмя факелами, в колеблющемся свете которых блестяли её плечи и маленькие крепкие груди.

– Сестра Найя, – представил артистку Семе. – Вы её видите на мой дом.

Танцовщица поочередно подбрасывала вверх факелы и, жонглируя ими, кружилась, подпрыгивала и извивалась на помосте. Её тело было настолько гибким, что казалось, будто танцует не женщина, а огненная змея. И в этот танец, исполняемый туземкой, органично вплетались балетные элементы.

– Какой пируэт! – кричал Ганюшкин, дергая Фролова за рукав. – Посмотри, как она держит ножку! Чистая балерина, только пуантов не хватает. Откуда это у нее?!

– Найя училась в Лондон... Ковент-Гарден... на балерина, – пояснил Семе.

– Лондонская королевская балетная школа Ковент-Гарден? – Глаза у Ганюшкина полезли на лоб. – Как же из этой глуши она туда попала?!

– Папа посылать, – пояснил вождь.

Глухой и тяжелый стук барабанов перебил разговор.

– Таби-Таби! Таби-Таби! – Подхватила их ритм охваченная экстазом толпа. Курсанты на палубе парусника, на котором были погашены все огни, хлопая в ладоши, стали вместе с толпой скандировать название острова.

Картина была фантастическая: лунный диск над скалистой горной вершиной, яркие крупные звезды по тёмному бархату неба, лохматые, обвешанные амулетами барабанщики, отрубленная бычья голова на позеленевшем от времени бронзовом блюде и эта первобытная танцовщица, осваивавшая азы балетного искусства в Лондоне.

Прожектора, вспыхнувшие на паруснике, ярко осветили площадь.

– Время отчаливать, – сказал Иван Васильевич, взглянув на часы.

Гости поочередно обнялись с Семе. Тот поднял руки. Барабаны загремели быстрой тревожной дробью. Толпа расступилась, образовав узкий проход. Носильщики подняли блюдо с

бычьей головой и мягкими кошачьими движениями – два шага вперед, один назад – сошли с помоста и растворились в темноте. Туземцы стали расходиться, унося опустошенные кувшины.

Когда «Исток», блистая огнями, отходил от Таби-Таби, над тремя из пятнадцати вертолетов, выстроившихся на палубе авианосца «Джордж Вашингтон», медленно провернулись винты и стали набирать обороты. Дюралевые скамьи вдоль бортов винтокрылых машин, на которых, нахохлившись, сидели морские пехотинцы, задрожали.

Некоторые из бойцов перекрестились, другие просто закрыли глаза. Исходя из того, что сказал майор Крамер, операция не казалась рискованной. Силы несопоставимы: двое террористов против почти сотни морпехов, но какая-то тревога всё-таки скреблась в солдатских душах. Никто не знал, чем обернется эта ночная высадка на незнакомом острове, но каждый надеялся вернуться обратно живым и невредимым.

21. Десант

Жителей Таби-Таби, заснувших из-за представления необычно поздно, разбудил странный гул. Он приближался с востока и с каждой минутой нарастал. От сильной вибрации задрожали хрупкие бамбуковые строения. В джунглях забеспокоились обезьяны и в панике заматались по заплетённым лианами деревьям. Гул перерос в страшный рёв, с чёрного неба в пристань ударил мощный столб света и, пробежав по пропитанному морской солью бревенчатому настилу, упёрся в центр портовой площади. Тучи пыли взметнулись в воздух, взлетели и закрутились над бамбуковыми строениями сухие листья.

– Лейтенант Шелдон, – услышал в шлемофоне командир первой группы голос майора Крамера, – после высадки оцепить площадь, обеспечить безопасность приземления второй и третьей групп!

Рев двигателей стал тише, но винты ещё продолжали вращаться, задняя стенка вертолета отвалилась, упала одним концом в песок, образовав трап. Сбежав вниз, морские пехотинцы заняли позиции по периметру портовой площади, и бледный свет луны падал на стволы автоматов, направленных на джунгли.

– Второй пошёл! – скомандовал Крамер.

Столб света опять обрушился с неба, и рядом с первым вертолетом приземлился ещё один, затем села третья машина.

– Вторая группа – по дороге на запад, третья – на восток! Быть в готовности с рассветом приступить к розыскным действиям!

Агубар взлетел по лестнице к Семе Кударату.

– Нас прокляли духи предков! – закричал он с порога. – Такого ещё не было на Таби-Таби!

– Успокойся! – осадил министра правитель. – Это вертолёты! Машину к моему дому.

Агубар метнулся вниз. Разнеслись слова команд, и воины побежали друг за другом к портовой площади. Босые полуобнажённые мускулистые солдаты летели по узким, знакомым им до малейших выбоин и извилин тропам бесшумно, как птицы. Через полчаса под каждым деревом вокруг портовой площади скрывался воин с копьем или ракетницей на поясе. Морские пехотинцы, настрожённо всматривавшиеся в темноту, не догадывались, что окружены.

Зарипа беспокойно заметалась по веткам, ей очень хотелось оказаться там, внизу, где происходило что-то невероятное. Догадавшись, что творится в голове взбалмошной подруги, Дрилон притянул её к себе и глухо зарычал:

– Не пушу!

Глупая обезьяна стала рваться из объятий, но мощные лапы супруга держали её как стальные обручи. Поняв, что просто так вырваться не удастся, Зарипа, извернувшись, укусила Дрилона в плечо. Царь вскрикнул от боли и на мгновение ослабил хватку. Через долю секунды,

перепрыгивая с верхушки на верхушку, любопытная обезьяна уже неслась к портовой площади, Дрилон бросился в погоню, за ним устремилась стая.

Семе Кударат Шестой водрузил на голову корону, уселся рядом с водителем. На бампере вспыхнули две жёлтые фары.

– Семе, не надо туда ехать! – Закричала Найя, подбегая к автомобилю.

– В минуту опасности вождь должен быть со своим народом! Если что со мной случится, переправь это Ольге. – Семе вытащил из кармана шёлковый мешочек и вложил в ладонь сестры. – Здесь кулон и адрес.

Механическое чудище взревело и медленно покатилося вниз.

Тёмные тени трёх винтокрылых машин Зарипа приняла за шалаши, выросшие в центре площади. С вершины дерева она увидела человеческие силуэты с круглыми горшками на головах. Станные люди стояли на равном расстоянии друг от друга, в руках держали какие-то палки, концы которых были направлены в сторону зарослей. Кокетке страстно захотелось натянуть на себя такой же горшок. Она бесшумно прошла по ветке и, оказавшись над морским пехотинцем, спрыгнула ему на плечи и сорвала каску. Взвизгивая от радости, Зарипа пустилась наутек, но далеко убежать не удалось. Прицел ночного видения поймал животное.

В зыбком зеленоватом свете обезьяна показалась рядовому Пирси доисторическим ящером. Перекрестья прицела сошлись на шее воровки. Грянул выстрел, и Зарипа, будто споткнувшись о каменный барьер, перевернулась набок, украденная каска откатилась в сторону. Передние лапы обезьяны задержались в судорогах, задние рывком подобрались к груди и тут же выпрямились. Любимая жена царя обезьян затихла и вытянулась на пыльной земле.

Гробовая тишина стала ответом на этот роковой выстрел. Невидимые в тени кустарника воины Агубара направили стволы ракетниц на морских пехотинцев. Обезьяны затихли, не понимая, что произошло.

Эту зловещую тишину нарушил треск сучьев, с дерева на землю обрушился Дрилон, который в два прыжка оказался около убитой. Он поднял обмякшее тело с песка, схватил в охапку и прижал к себе. Душераздирающий звериный вопль ударил по ушам морского пехотинца, верхушки деревьев над ним закачались, заходили ходуном, словно на них неожиданно налетел жестокий вихрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.